

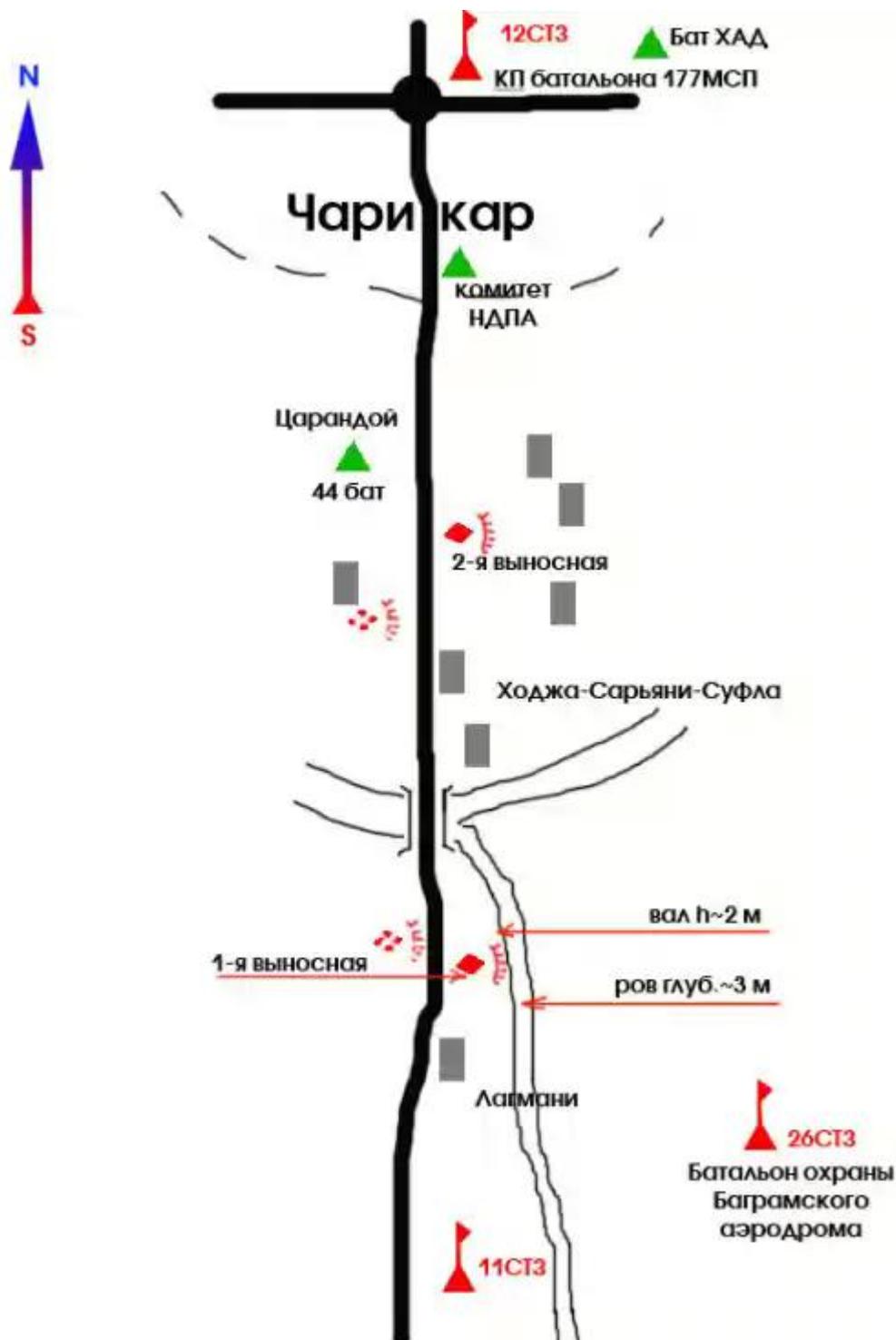
Погодаев Сергей Геннадьевич

Расшифрованный дневник. Часть 2. Чарикарский блюз.

© Copyright Погодаев Сергей Геннадьевич (kmssva@mail.ru)

Годы событий: 1986-1987

Чарикарский блюз.

Снова еду на войну. К своим пацанам. Ташкент, пересылка. Теперь я здесь вроде как свой. Новичков видно по тревожному взгляду. Бывалые веселее понимают свои перспективы. По-мужски спокойно, почти без эмоций, встречаются боевые друзья. "Ну как? Нормально".

Азия. Вечернее тепло вяло гладит расслабленные мозги. Мирные огоньки кокетливо подмигивают с небес. Сидим в сквере на лавочках, пьем водку. Я, Андрюха Яворук, Генка Забава, Серега Чернышев. Здорово, когда за столом сидят равные среди равных.

Завтра снова будет война. А пока мы расслабляемся. Под стрекотание узбекских сверчков, под диссидентское завывание где-то играющего магнитофона: "Расцвели каштаны в городе весной, и прическа расцвела моя на воле...".

Подходит пьяный старлей-десантник.

- Мужики, есть три рубля?

- Зачем?

- Домой позвонить.

- На.

- Угостите грамм 50-70.

- На.

- Ничего, я тут на минутку присяду?

- Вон там присядь, и не мешай. Видишь - разговариваем.

Картина на пересылке обычная. Отправили мальчика на войну, а у него девочка осталась в гарнизоне. "Друзья", готовые ей помочь в трудную минуту, и т.д., и т.п. Вот паренек сопли и распустил. Армия - это не ясли-сад, тут слезы не вытирают. Тут все самому надо.

Несколько вальяжное застолье продолжается. Про старлея забыли, как будто его и не было.

Генка отошел "коня привязать". Мы ровно беседуем. Слышим:

- Ты ж звонить куда-то собирался.

Поворачиваемся - Генка стоит перед десантником, а тот, сидя на скамейке, скулы в ладони упер и, слегка покачиваясь, трезвым взглядом абсолютно пьяного человека, пытается высверлить дырку в асфальте. Мы махнули Генке, он пожал плечами, и вернулся на свое место. Старлей ушел.

Назавтра в четыре выезд в Тузель, а пока есть еще и время, и водка, и закуска какая-никакая. Сидим, пьем.

Через какое-то время к нам снова подходит старлей. В одной руке бутылка, в другой - пакет с чебуреками.

- Позвольте?

- Присаживайся. Ну что, позвонил?

- Нет.

- Понятно. На, хлебани.

Выпил, утер губы, поставил перед нами пузырь с закуской:

- На всех.

- Ты чего такой-то? Не бзди, все будет пучком.

- Да знаю, чего там...

- Первый раз?

- Нет. Из отпуска. Ровно год на горке просидел. Через год, день в день вертушка пришла, в полк, и в отпуск. Приехал домой, через три дня закапало. Я - к брату. Он у меня главврач венстационара. Глянул - трипак.

После паузы он продолжил.

- Люблю я ее. Все простил. Съездили на море, к ее родителям. Вечером мне уезжать, а она мне истерику закатила. Дескать, я тут тебя жду, а ты там с блядьми развлекаешься. Не выдержал, ударил ее. Собрался, ушел.

Каждый молча слушал и думал о своем.

- Позвонить хотел сейчас. Извиниться. Люблю я ее, а вот - ударил. Не вернусь больше. Ладно, давайте.

Он встал и, слегка покачиваясь, ушел. В никуда...

18 ноября 1986 года я снова пересек Советско-Афганскую границу.

В ночь с 25 на 26 октября, когда я улетел в Союз, в Аминовке духи подожгли БТР. Сгорели старший лейтенант из Баграмской прокуратуры и женщина. Ночью на седьмую заставу пришли прапорщик и вторая, ехавшая на том БТРе женщина. Отсиделись в винограднике. Духи их не нашли. Еще один прапорщик, скрываясь в винограднике, упал в кяриз. Говорят, Федорашко А.И. его оттуда вытаскивал.

Пока меня не было, Володя Смолюк разбил караван. Вынес двух духов, еще двоих нашли утром. Наградной отправили, но с явным скрипом - не очень-то угоден Володя командованию батальона.

В этот же период с заставы пропал автомат рядового Сметанникова А.Д.

22.11.86г.

У меня на заставе взвод пехоты из третьей мотострелковой роты нашего полка. Командир роты - Татарский Владимир, заменщик Юры Переверзева. Командует взводом замполит роты лейтенант Алик Садыков. Командира взвода пока нет.

В десяти метрах от нашей крепости - гарнизон насосной станции трубопроводной бригады. Попросту - "трубачи".

О командире "трубачей" с 11-ой заставы лейтенанте Белкине я был наслышан еще будучи в Аминовке, от командира второй роты капитана Александра Моторина. Дескать, "негодяй тот еще, приписывает потери на трубопроводе, обвиняет во всех грехах танкистов, а сам продает солярку направо и налево. Жулик, одним словом".

И вот, как-то приезжает Коля Кругляков на седьмую заставу с каким-то вертлявым лейтенантом.

- Познакомьтесь. Это мой кент Санек.

Подаю руку. Представляюсь. Оказывается это тот самый Белкин, о котором я слышал от Моторина. Зная Круглякова, к Белкину у меня сразу возникла антипатия. У Коли Круглякова не может быть хороших знакомых. Сам "обозник" и кенты, наверняка, такие же. На том наше с Белкиным знакомство и закончилось бы, не сведи нас судьба поближе.

Первое время, после того как мы приехали на одиннадцатую заставу, мне, как человеку несведущему, было непонятно, как Белкин определяет объем пролива на "трубе". Порой и лужа-то небольшая, а он смело пишет - пять тонн, и несет мне на подпись. Я, естественно, заявляю, что потери составляют не более трех с половиной тонн. Белкин спокойно приглашает меня на проверку. В сопровождении моего танка бензовоз трубачей подъезжает к проливу и всасывает дизтопливо из лужи. Бензовоз наполняется и при этом лужа еще остается.

- Здесь еще осталось с полтонны. Оформлять будем, или подпишешь пять тонн?

С тех пор я перестал сомневаться в справедливости Сашкиных объемов.

Со временем я проникся уважением к Белкину. Он никогда не прятался от пуль за спинами солдат, всегда выезжал на устранение диверсий сам, был хорошим заботливым командиром для своих солдат. В расположении его "гарнизона" всегда был порядок, близкий к образцовому. Мы сдружились. Сашка всегда ждал нас с боевых операций, искренне радовался нашему возвращению. Дверь его "кельи" всегда для меня была открыта. В Афгане Сашка был, пожалуй, самым отъявленным гурманом из всех тех, кого я там знал. У него всегда была припасена бутылочка армянского коньяка "Арарат", и всегда был холодный чай. Пил он исключительно "Липтен" с бергамотом.

До обеда с трубачами работали по устранению проливов, после этого съездили с Сашкой Белкиным в Чарикар, зашли к дукандору "Иванычу", взяли пару бутылок "Арарата", и на заставу.

Обедали у меня. Только хлопнули по первой, взрыв. Никто и внимания не обратил, а у меня на душе как-то неуютно стало. Тревожно. Парни аппетитно хрустят закуской. Я говорю:

- Вот гляди, мужики - что-то взорвалось, а мы сидим, и значения не придаем. Попривыкли. А вдруг что-то случилось. Пойду гляну.

Выхожу из комнаты:

- Часовой, где взрыв?

- За "трубачами". Наверное, из миномета лупят.

- Смотри повнимательнее. Увидишь, откуда бьют, доложишь.

- Понятно.

Захожу назад к мужикам. Сажусь за стол, но взрыв почему-то не дает покоя. Обращаюсь к Белкину:

- Взрыв за твоей ГНСкой (гарнизон насосной станции). Все-таки нужно проверить, беспокойно как-то.

Беру автомат и иду смотреть. Сашка идет следом. Садыков поднимается на первый пост.

- Санек, ты обойди свое расположение с той стороны, а я с этой. Алик, осторожнее, могут еще раз садануть.

- Не дразнись, - пытается пошутить Алик Садыков.

Обхожу со своей стороны Сашкину заставу, с тревогой осматриваю местность - ищу воронку от разрыва мины. За расположением ГНС с давних времен стоит подорванная БМП. Вокруг валяются снаряженные ленты. "Надо бы убрать, - подумал я, - не ровен час, кто-нибудь

ковырять начнет". Внимательно осматриваю все вокруг. Воронки не вижу. Взгляд внезапно натывается на бетонный столб. Через него перекинута, как мне показалось, штаны от танкового комбинезона. Из штанов торчат сапоги. Иду посмотреть. Штаны на поверку оказались не одни, а с хозяином. Длинный парень, одетый в танковый комбез лежал на спине. Живот разворочен, правая кисть оторвана, на большом пальце левой руки кольцо с чекой от ручной гранаты. Парень подорвал себя. Узнать человека невозможно - лицо черное от взрыва, опаленное тротилом. Как я не всматриваюсь, узнать не могу. Подходит Белкин.

- Посмотри, Санек, может твой.

Сашка смотрит на то, что несколько минут назад было человеком.

- Хрен его знает, может и мой. Не узнать. По росту, вроде на Хабибова похож.

Сашка идет к себе проверять людей, я - к себе.

- Дежурный, построить заставу!

Садыкову:

- Алик, проверь людей. Там какой-то клоун подорвался.

Приходит Белкин:

- Мои все на месте.

Дежурный по заставе докладывает:

- Товарищ старший лейтенант, все люди налицо, за исключением экипажей выносных постов.

Слегка отлегло - не мой. Смотрим на Садыкова. Алик проверят людей - все на месте. Кто тогда?

И тут меня опять осенило:

- Дежурный, поваров проверял?

- Никак нет.

- Как это "никак нет"? Что же ты докладываешь, что все люди налицо? Поваров ко мне!

Дежурный бежит на кухню. Выходит угрюмый:

- Товарищ старший лейтенант, Зенкевича нет.

- В туалете проверяли?

- Так точно. Нет его там.

Моя последняя надежда рухнула. Зенкевич В.А. 1968 года рождения. Ровесник моей сестры Анютки.

Уже потом выяснилось - Зенкевич каким-то образом был причастен к пропаже на заставе оружия и боеприпасов. Видимо между соучастниками произошел какой-то разговор и солдат не нашел ничего лучшего, как свести счеты с жизнью.

Вызвал своих "стариков".

- Завтра я должен знать, кто продал автоматы и боеприпасы.

23.11.86г.

Утром заходят Слава Рычков, Гена Додонов, Саша Толстый, сержант Рашидбек Батыров:

- Товарищ старший лейтенант, просим Вас - не лезьте выяснять, кто продает оружие и боеприпасы.

- Это еще что за разговоры?

- Скорее всего, это пехота. Мы сами выясним кто. Только Вы не лезьте.

- Почему?

Сержант Батыров:

- Да хрен их знает. Перепечкин, Зенкевич... Мы сами разберемся, и доложим.

- Вы хоть сами понимаете, что все это значит? Необходимо как можно скорее все это выяснить, и убрать гниду в особый отдел. Пусть они его помещают куда угодно, лишь бы у нас на заставе подобной сволочи не водилось.

В тот же день я вышел по связи на Федорашко.

Особист не заставил себя долго ждать, и через два дня моего Давыдкина (именно он "по неосторожности" застрелил Колю Перепечкина), и еще одного молодого солдата из пехоты увезли в Баграм. Там солдатик-пехотинец прикинулся больным, и его поместили в госпиталь, а Давыдкин объявился на заставе. Меня это несколько озадачило:

- Вы как здесь оказались, товарищ солдат?

- На попутке добрался.

- Вас отпустили?

- Ну да, поговорили, и сказали - иди.

Приставив к солдату дежурного по заставе, я связался со штабом батальона. Начальник штаба был в шоке:

- Глаз с него не спускать! Сейчас буду.

Приехав на заставу, Александр Иванович забрал Давыдкина, и увез на девятую заставу (КП батальона).

Через некоторое время обоих солдат перевезли в Ташкент. Для сопровождения откомандировали лейтенанта Садыкова.

По приезду Алик поведал замечательную историю.

Оказалось, что руководил торговлей оружием и боеприпасами уволившийся сержант 3-й МСР. В запас паренек уволился кандидатом в члены КПСС, с орденом "Красной Звезды".

Одновременно с тем, как из Афгана доставляли подозреваемого солдата, из Украины вызвали сержанта для очной ставки.

Далее Садыков рассказывал:

- Заходим мы с подозреваемыми к прокурору, там уже сидит "нога на ногу" наш сержант. Черный костюмчик, белая рубашечка, галстучек, орден "Красной Звезды", в руках партийная корочка - все, как положено. Разворачивается в нашу сторону, и говорит: "ну что, молодежь, доигрались? Я же вас предупреждал". Прокурор к нему по имени-отчеству. Дескать, "подождите, уважаемый такой-то такоевич, в приемной, я вас вызову". Подозреваемые так и остались стоять с открытыми ртами, и глазами на выкат. Меня проводили в другой кабинет. Короче, перед сержантом прокурор извинился за вызов, ему оплатили дорогу туда и обратно, да и отпустили на "ридну Крайну". Мне продлили командировку - "дома хоть побывай, лейтенант, да не болтай много". Солдатикам дали по четыре года строгого режима. Вот так.

28 ноября 1986г.

В 3 МСР пришел новый командир взвода. Теперь приданым моей заставе взводом будет командовать лейтенант Александр Яковлев. В Афганистан его направили сразу после окончания училища.

По старой доброй традиции офицеры накрыли стол. Тут тебе и горячее, и холодное, и сочное и сухое, и крепкое и сладкое, и фрукты тут тебе, и овощи, и шашлык, какой не каждый раз получается. И компания в полном составе, что даже не каждый праздник случается. Ну, все тебе тут!

Сидим, балдеем, смакуем каждое мгновенье, выпиваем, ненавязчиво советуем молодому лейтенанту как где себя вести. Теплая дружеская компания. Осеннее солнце мягко прогревает воздух, чирикают воробушки, на боевые никто не ушел, все на месте, никто не стреляет, ничто не взрывается. Природа шепчет... Благодать!

И вдруг, ни с того ни с сего, Саша Яковлев осоловелым голосом заявляет:

- А я вот, мужики, в Афгане ни одного чека на водку не потрачу. Все жене высылать буду. Красивая она у меня - обалдеть

Немая сцена. Кто как жевал, так и застыл. Все взгляды были обращены на молодого лейтенанта. Что это? Приговор самому себе? Дабы не нагнетать суеверие на молодого офицера Сашка Белкин нашелся, как преподнести наше недоумение:

- Что же ты все время за наш счет пить будешь? На халяву?

- Да нет, я не про то, - попытался оправдаться Сашка, но...

Трапеза была испорчена. Со стола убрали молча. Каждый думал о своем, и никто уже не замечал ни теплоты солнечных лучей, ни прочих прелестей уходящего дня...

Лейтенант молча жевал, глядя в одну точку. Наверное, думал он о своей молодой, красивой жене, и попутно ему было жаль зачерстневших на этой войне мужланов, которые забыли нежные, ласковые ладони и полуприкрытые веки любимых. "Не каждый может так любить, как я", - читалось в позе, и взгляде лейтенанта.

Позже выяснилось, что этот эпизод запомнился не одному мне. Дело все в том, что слова лейтенанта Саши Яковлева оказались пророческими. Он погиб в первом же бою, в Чарикарской зеленке, так и не получив своей первой зарплаты...

Душманская пуля вошла в позвоночник, между лопаток. Лейтенанта выгнуло назад, широко открытыми глазами он посмотрел вперед, произнес одно слово: "пиздец", и рухнул замертво.

Может и в последнее мгновенье он увидел свою единственную - ту, из-за которой он готов был пожертвовать всем, чем угодно, даже жизнью. Как раз это он и доказал ей.

Погиб Саша Яковлев как мужчина - в бою.

Вечная тебе память. Тебе, и твоей любви...

1.12.86г.

Утром часовой сообщил, что к заставе подъехал БТР начальника штаба, из него вышел незнакомый мне офицер и БТР уехал. Выхожу встречать. Представляюсь:

- Командир первой танковой роты, старший лейтенант Погодаев.

- Командир первой танковой роты, старший лейтенант Летнев.

- Не понял.

- Что не понял? Будем вдвоем пока ротой командовать, не возражаешь? Пока приказа не будет.

На заставу-то пригласишь?

- Пошли.

Как оказалось, старший лейтенант Летнев (32 года, а уже старший лейтенант!) прибыл из сто восьмидесятого полка согласно приказу комдива на должность командира нашей роты. Я снова, не без обиды на начальство, занял "почетное место" командира взвода. Впрочем, на наши отношения с новым ротным это никак не отразилось. Он оказался нормальным мужиком.

5.12.86г.

В период моего отсутствия для охраны "Чарикарского" саперного полка из нашего батальона выделили два танка. Один танк из нашей роты, один со второй. Старший - офицер нашей роты. Там находился Женя Калинин.

Приняв командование ротой, Летнев принял решение менять офицера в саперном полку. Как-то он сказал: "нечего этому бездельнику жирок там нагуливать. Пусть здесь попрыгает по ночам. Молод еще".

Короче, меня отправляют на "защиту саперного полка". Думал в "саперном" полку отдохну, но Женя внезапно заболел и "поместился" в госпиталь, старшина тоже в госпитале. Приходится получать продукты, возить воду на заставы. Практически постоянно нахожусь на одиннадцатой заставе. Ночное патрулирование, выставление выносных. 1 декабря на выносных был обстрел. Первый бой после Союза. Три танка выпустили весь боекомплект. Приехали ротный, комбат. По нам работал снайпер, но танк - он и в Африке танк.

Получил от жены пять писем.

3 декабря ночью, в 3.30 остановил на дороге "бурбухайку". Явно духи, но документы какие-то представили. Обошел машину. Постоянно, видимо, находился под прицелом. Отпустил. А что делать? Днем повез воду на пятую "А". Обстрел дороги между пятой "А" и шестой. Взяли две гранаты от РПГ-7.

Вчера в районе седьмой задержал солдатика. Идет по дороге без оружия.

- Стой. Кто такой? Документы?

- Иду к своим. Меня ждут за поворотом.

- Ну, садись, подвезу.

- Спасибо, я сам.

"Ах ты, щенок,- думаю, - я тебе сейчас дам "сам", шкура продажная". Забрал на заставу. Выясняю в ходе "беседы" - собрался солдатик бежать за границу. "В Турцию", - говорит.

- Ты хоть знаешь, где Турция, мальчик?

- Там. - Показывает на юг.

- Да нет, дурачок, не там. Ладно, в особом отделе географии тебя научат. Ты мне скажи - тебя что, обижали, били? Почему бежать-то собрался?

- Нет, не били.

Синяков точно нет. Паренек чистенький.

- У тебя что, родственники за границей богатые?

- Да нет у меня там родственников.

- Ничего не понимаю. Мать-то у тебя есть?

- Есть.

- Ну а как она узнает, что ты Родину предал, а?

- Да она мне и сказала - мол, отправят в Афганистан, беги за границу. В Турцию, а потом в Америку.

Единственное место, где после войны в Афганистане солдаты бросали в костер свои награды - это в Вильнюсе. Впрочем, кроме юбилейных побрякушек в том костре ничего не было. Фарс, не более.

Саперному полку вручили знамя Главкома Сухопутных войск. Лучший полк.

Вчера с комбатом ходили под Чарикар. Там обстреляли двенадцатую заставу, так комдив отправил на усиление. (Что-то нас, кроме нашей же пехоты, никто не усиливал.)

Поехал на пятую "А" на 415-ом. Между шестой и седьмой поймали гранату в силовое отделение. Танк загорелся. Обработали местность, ликвидировали пожар. Теперь стоит моя "ласточка". (Пока стоит!) 417-й и 416-й - в ожидании капремонта. Отвоевали свое, "старушки". 418-й планируют на январь. Придут новые машины. Это хорошо. Хорошо, если придут действительно танки, а не "трактора".

Сегодня потушили пожар на трубе между десятой и десятой "А". Сработал фугас. Хорошо, что никого не задело. Могло быть хуже. В воздухе тоже напряженка - сбили АН-12й, "крокодил", два МИ-8х, две "сушки". Стингеры.

В Руху теперь только колонной. На наш привычный "отстрел" Стингеры, как оказалось, не реагируют.

За 1 декабря "представили к очередному ордену". (Куда крепить их буду, не знаю.)

8.12.86г.

Володю Смолюка не приняли в партию. Против были все, кроме Сани Моторина и Лехи Лындина. Меня на том собрании не было.

За 1 декабря поступила информация - у духов четверо убитых, трое раненых. Передали, что духи разбежались, побросав оружие. Насколько это соответствует действительности, не знаю, но свое они получили. Это точно.

В Гулям-Али вчера ранили командира нашей третьей роты и его старшину. В Чарикарской зеленке концентрируются новые банды. Ждут караван. Ибрагим со своим постом перешел к духам. Частым гостем был у меня на семерке. Частенько его людей видел в Чарикаре. Может еще встретимся. Крепкий мужик.

10 декабря 1986г.

В ночь с восьмого на девятое сидели в засаде. Ждали караван. Двумя танками, без пехоты. Верх командирской глупости!

Поступила информация, что перед Чарикаром заминирован мост. Выехали двумя танками на осмотр. В Чарикаре нас обстреляли. По городу обычно ездили медленно, а тут быстро шли. Я первый, за мной Саша Летнев на 410-ом. Слева два выстрела. Пулей срезало антенну. Доложил Летневу. Его тоже обстреляли. Пули пощелкали по броне. Сегодня ночью бронегруппа снова была обстреляна.

Почты нет - самолеты не летают. Завтра Летнев с Малышевым едут в Руху. (Витя Малышев практически поселился в госпитале, там всё это время и жил.) Останусь за ротного. После приезда Летнева меня отправят на пятую "А". Займусь резьбой по дереву. Руки истосковались по резцу. Любовь к дереву отец мне привил еще в детстве.

Мальцом я часто любовался руками отца во время его работы с деревом. В перерывах между писательским трудом, он склонялся над кедровой плитой, устремлял взгляд внутрь материала, и казалось, он уже видел, что лишнее нужно убрать. После этого брал карандаш, и легкими взмахами наносил контур будущего пано.

Когда отец брал в руки резец, создавалось ощущение, будто стальной инструмент становился частью его тела. Рукоять ножа гармонично вплеталась в его ладонь, и было неясно - толи нож повинуется движениям руки, толи рука следует за резцом.

Под плавным движением руки отделяется тонкий пласт дерева, и длинная стружка, заигрывая с мастером, обвивается вокруг предплечья. Перевитые крепкими мышцами руки напоминают корабельный трос. Через несколько часов работы весь кабинет напоминает столярную мастерскую.

Отец стряхивает с себя стружку, прислоняет свою работу к стене, наливает крепкий чай, закуривает, и ревниво вглядывается в свое будущее творение. Несмотря на открытый балкон, сладко пахнет свежей стружкой, дымом сигарет и отцом! Незабываемое.

После окончания танкового училища, отец подарил мне часть своего инструмента для резьбы по дереву. С тех пор я регулярно старался прикоснуться к этому искусству. Иногда получалось и, как мне казалось, весьма недурно.

12.12.86г.

Вчера вечером двух бойцов отвозил в госпиталь. Почта пришла за три дня, но ее еще не разобрали. Сегодня утром сам поехал за почтой, перебрал кипу, а мне только одно письмо. Обидно. Жена видимо торопилась - несколько строк. Но, все равно приятно.

Вечером духи осатанели, как комары перед дождем. Между пятой "А" и шестой обстрел колонны. После снятия выносных на одиннадцатую подъехали три царандоевца из 44-го батальона. Двое раненых. Духи засели на нашей первой выносной, обстреляли их из гранатомета и стрелкового. Стекла на машине выбиты гранатой, но разорвалась она уже за машиной. (Спасибо китайским "товарищам" - грамотное хранение боеприпасов.)

Выехали. Я - на 415-ом, Летнев на 410-ом, подошла 510-ая БМП, подъехал комбат. Обработали местность, забросал ров гранатами. Темно, одному было страшновато, но надо было проверить эту канаву, чтобы не влупили в спину. На войне как нигде все нужно доделывать до конца.

Только приехали на заставу, обстрел заставы. К танкам бежали под цвырканье пуль. Били прицельно, видимо работали с ночными прицелами. Мы даже не успели пополнить танки боеприпасами - снова в бой. Поработали на славу.

Завтра операция. Иду с разведбатом. Двумя- тремя танками. Мои - 415-й, 412-й. С пятой "А" Бабенко должен прислать 441-й. Планировали Смолюка, но как это обычно бывает - в последний момент переиграли. Не захотел Федорашко со Смолюком в бой идти.

Сейчас напишу жене письмо и спать. Надо отдохнуть - времени осталось мало.

13.12.86г.

9.00. Танки на девятой. Заправились, и в Баграм.

Всех нас, участников боевой операции, сосредоточили в Баграме. Технику нашу поставили в парке разведбата. Экипажи проверяли вооружение и обслуживали свои машины. На боевые выходим завтра. В Чарикарской зеленке мы еще не были. Мой шлемофон лежал как обычно между люками на башне. Радиостанция была включена на дежурный прием. Мой заряжающий Леня Тройченков, обслуживал ДШК и слушал эфир.

- Командир, кажется наша броня воюет.

- Кто? Где?

- "Кисет", танки первой роты, с ними комбат. А вот где, не пойму.

Наушники шлемофона прохрипели:

- "Сапфир", я 525-ый "Пурпура". Шторм усилился. У меня два ноль двадцать первых, один трехсотый.

ЦБУ дивизии не отвечало.

Слова комбата, 525 был его позывной, означали, что обстрел усилился, два человека убиты, один ранен.

ЦБУ дивизии молчало.

Я спрыгнул с танка:

- Барциц за меня! Я в штаб!

До штаба дивизии я не добежал. Меня перехватил капитан Федорашко.

- Быстро назад! Готовь танки к выходу! Комбата надо вытаскивать! Я прихожу - танки в колонне у ворот. Вопросы?

- Понятно, - на ходу бросил я.

Бойцы укладывали инструмент - готовились к выходу. Лишних команд не ждут. Война тренирует как никто. Минут через 10 танки стояли в колонне у ворот парка.

К нам подтянулись БМП первой роты Баграмского разведбата, которой командовал мой друг Отар Давитадзе и тягач ремонтников.

Не успели мы с Отаром обменяться приветствиями, как показалась бегущая фигура начальника штаба. Капитан без лишних разговоров влетел на башню 412-го танка, присоединил тангенту к шлемофону, повернулся к колонне, махнул рукой, одновременно говоря в эфир:

- Броня "Каскада" и "Кобры" за мной! Дистанция 50 метров! Не отставать!

Машины тронулись почти одновременно. Когда вышли в район Баграмского перекрестка, комбат вышел на связь:

- Два ноля седьмой, где вы находитесь? - ноль-ноль семь - код киношного суперагента Джеймса Бонда, позывной всех начальников штабов нашей дивизии. Чья-то ласковая шутка. Этот позывной, как нельзя лучше подходил Александру Ивановичу Федорашко - воевал грамотно.

Федорашко доложил. Голос комбата:

- Обороты, Саша. Накрыли нас крепко.

Это мы слышали и так по звукам эфира.

В зеленку надо было заходить в районе кишлака Лагмани. Неделю назад в этом месте мы так и не зашли. Тогда на первых ста метрах саперы обнаружили восемь фугасов, а фугас - штука серьезная. Бывает, что духи используют неразорвавшиеся авиабомбы, весом до 500 килограммов, коих на земле Афгана было великое множество. Это страшная вещь - можете поверить. Сейчас саперов у нас не было, но "наших бьют" - для нас как красная тряпка для быка, и мы попёрли. Федорашко вышел на связь:

- Боевое траление! Мой заместитель - "Каскад"! С Богом!

Боевое траление - это значит, что первая машина берет на себя все мины. Это как в картах, повезет - не повезет. На войне это бывает. Мы часто ставили на кон свои жизни во имя жизней своих товарищей.

По внутренней связи передаю Рычкову:

- Слава, внимательнее. Боевое траление.

Славка промолчал.

Во время "Боевого траления" все существо живого организма, именуемого боевой колонной, идет в ожидании подрыва. Один шанс из ста, что все пройдет успешно, но первая машина прошла как по воздуху. Фортуна была на нашей стороне. Мы вышли к двадцать шестой заставе батальона охраны, которая находилась в зеленке - в трех километрах от дороги. Можно было говорить, и начальник штаба снова вышел в эфир:

- 415-ый - дозор, "Кобра" за мной, остальная броня ждет здесь.

Командирские машины двинулись дальше. После очередного поворота нам открылась такая картина - поперек дороги, задрав пушку вверх, правой гусеницей завалившись в трясину, стоял танк. Я вздрогнул, узнав в нем новую машину, которая совсем недавно пришла к нам в роту. О таких танках мы говорили - "мертвый". Живые машины огрызаются, стреляют, а этот, с задранной пушкой, молчал. После боя стало ясно, почему духи не сожгли этот танк. Это была их добыча. Они ждали темноты и рассчитывали взять танк целым и невредимым.

Влипли грамотно. Хорошо хоть об этом передать успели. Антенны на броне всех машин были срезаны снайперами. На связь выйти никто не мог - поэтому мы никого больше не слышали. Обойти перегородивший дорогу танк было невозможно - справа развалины дувалов и затопленные виноградники, слева - канал, метров пять шириной, заполненный водой. За каналом сплошняком стояли высокие стены полуразрушенного кишлака и угрожали множеством бойниц.

К моей машине подошли Федорашко и Давитадзе. Я спрыгнул. Из командирского люка поврежденного танка появилась голова сержанта Батырова:

- Товарищ капитан, выйти не могу - снайпер держит. Мукулов ранен в шею и в плечо. Стрелять нельзя - пушка пробита.

Федорашко махнул рукой:

- Сиди, не высывайся! Сейчас вас оттащим.

По переднему броневому листу цокнула пуля и визгливым рикошетом ушла вверх. Швырнув коуш танкового троса к 410-му, я метнулся под его защиту. Успел. Стрелок промахнулся. Федорашко заорал:

- Сиди уже там, назад не рыпайся!

Одним танком даже сдвинуть 410-ый с места не получилось. Я крикнул:

- Иваныч, цепляйте 412-ый к пятнадцатому, двумя тягами должен пойти!

Когда 410-ый сдвинули с места, у меня появилась возможность под его прикрытием подойти к офицерам. После короткого совещания было принято решение: пока 410-ого тянут к заставе, мне добраться до танка комбата и установить связь. Только после этого можно было оценить обстановку и принять решение.

Никто не ожидал, что я побегу по простреливаемой со всех сторон дороге, - никто, даже я сам. В такие секунды человеком руководит нечто такое, что нам смертным не понять.

Духи влупили по дороге в тот момент, когда, преодолев эту стометровку, я свалился в кювет к разведчикам старшего лейтенанта Исмаилова.

- Где Исмаилов?

Молчание.

- Командир где? - заорал я.

- Погиб. - Я так и не понял кто это сказал.

Никогда в жизни я больше не видел такого количества обреченных людей. Все они знали, что до утра мало кто доживет. Надо было видеть эти глаза! Смерть командира, заканчивающие боеприпасы, усиливающийся обстрел, приближающиеся сумерки - все это давило на людей. Смерть сидела рядом и ждала ночи.

Понятно, что для парней означало мое появление, но даже подобия улыбки я так и не увидел на их лицах.

К танку комбата я добирался уже осторожнее - почти ползком. От того, что я увидел, внутри похолодело. Танк стоял в яме. Каким образом он туда попал, оставалось только догадываться. Сжечь танк духи не могли, потому что из ямы торчала лишь башенка командирского люка. Наводчик видел стены кишлака и мог вести огонь по бойницам из пулемета, не позволяя высунуться гранатометчику.

Выезжать назад, значит задрать трансмиссию, то есть незащищенный броней двигатель, вперед - обнажить самое слабое место - днище танка. И то и другое означало - смерть танку и экипажу. То есть и этот танк был добычей духов. Им оставалось только дождаться темноты.

За бруствером, перед спрятавшимся в яме комбатовским танком, метрах в двухстах, в виноградниках стояли каркасы БТРов. Тех, что шли здесь когда-то раньше, и не дошли никуда. Теперь эти коробки использовались духами как огневые точки.

Били с трех сторон. Били хладнокровно и расчетливо. Назад не развернешься, вперед не пройдешь - некуда.

Справа, метрах в ста, стоял танк первой роты - бортовой номер 427. Граната, выпущенная из душманского РПГ снесла ему каток и направляющее колесо, разорвала гусеницу. Танкисты вели огонь из пулемета. Снаряды закончились. Две БМП разведчиков прикрывали свою пехоту. По радиостанции, которую мне дал Отар Давитадзе, я связался с начальником штаба и доложил обстановку.

- Сиди там, сейчас к тебе подойдет твоя коробочка. Начинаем работу, - был ответ.

Я постучал по броне командирского танка. Показались глаза комбата:

- Наконец-то! Слава Богу! Где Федорашко?!

Я показал рукой. Комбат:

- Осталось три снаряда - чтобы подорваться, патроны на исходе, связи нет - срезали антенну.

Поставили безоткатку и лупят внаглую. Я ее вижу, а наводчик нет. Из пушки не достать. Три гранатомета работают по нам. Сижут тут, как ... на блюде. Как там люди-то, видел?

- Нормально. - Я протянул ему радиостанцию.

Как бы в доказательство его слов, над башней танка прошла граната. Вторая разорвалась перед бруствером.

- Хреново тут у вас. Ладно, пошел я. - Изрыгая протуберанцы из пушки, приближался мой танк.

- Дай-то Бог, - вслед мне простонал комбат.

...Из зеленки вышли затемно. Помню потерянного, одиноко стоящего комбата. Он подошел к моему танку и попросил оставить ему немного "жратвы". Из зеленки он отказался выходить - остался на двадцать шестой у Женьки Филимонова.

...Ему было над чем подумать.

Танк уже тронулся, когда я бросил комбату ящик с сухпайком. Коробка, ударившись о землю, лопнула, и пакеты рассыпались веером у ног комбата. Он смотрел на уходящих нас и плакал.

На 11-й сторожевой заставе, "у Лагманей", мы пополнились боеприпасами, выпили с Отаром Давитадзе и капитаном Федорашко по стакану "Арарата" у гостеприимного командира 44-й ГНС Сашки Белкина и двинули назад, в Баграм. Задача была выполнена.

Старший лейтенант Исмаилов и рядовой Рябушко ехали последний раз на своих БМП, завернутые в плащ-палатки.

Пошли на задачу. В "зеленку" заходим со стороны аэродрома. В районе восемнадцатой заставы батальона охраны встали. Мирные жители группами по 20-30 человек уходят из кишлаков. Пропускаем. В основном женщины, дети, старики. Гонят скот. Мужчин не видно. Вчера 412-й оставили на 26-й заставе у Женьки Филимонова вместо 410-ого. 410-й взяли с собой. Опять со мной на операции Рычков, Толстый, Додонов, Барциц и трое молодых солдат, прибывших в Афган в этом году. Пусть привыкают. На заставе остались 418-й и 417-й. Время - десять пятьдесят одна. Скоро вперед.

В районе 18-й заставы встал 415-й танк. Слетела тяга главного фрикциона. Я вскипел. Только вчера ставил задачу Рычкову - проверить все регулировки!

- Гад ты, Рычков! Мы на операцию, а ты с экипажем - "в обоз"!

- Да я вас быстро догоню, товарищ старший лейтенант.

- Я тебе по возвращению башку оторву, засранец! Понял!?

- Товарищ старший лейтенант, - плачущим голосом начал было Славка, но я уже бежал к 410-му.

Произвожу в экипажах временную замену. Высаживаю из танка заряжающего - молодого солдата Леню Тройченкова, который занял место в экипаже этого танка после получившего ранение 13-го числа рядового Мукулова, отправляю его на 415-й. Наводчика Володю Денисевича - на место заряжающего, командир танка сержант Барциц занимает место наводчика орудия. В таком составе и пошли дальше. На 415-ом за командира танка оставляю Додонова, заряжающий Сережа Отыч занимает место наводчика орудия. Благо добился практически полной взаимозаменяемости в экипажах.

Подшли к каналу. Мост через него цел. Левее нас за канал прошел разведбат "зеленых". Духи, естественно встретили их огнем. Завязался бой. Получаю задачу перейти мост и поддержать "зеленых" огнем. При переходе через мост, делаем пару выстрелов из пушки по небольшой крепости справа. В это же время оттуда по танку справа стреляет РПГ. Граната проходит мимо. За мостом получаю команду "стой". У "зеленых" ранило одного сарбоза, остальные "командос" убежали назад. Раненого "зеленые" бросили.

Федорашко по связи вызвал меня к себе - "без танка". Из люка попробовал высунуться, по броне зацокало - держат на прицеле. Хорошо стреляют, собаки. Приказываю рядовому Толстому Александру - механику-водителю 410-го танка включить тумблер ТДА (термодымовая аппаратура), выскакиваю из танка, когда машина полностью окутывается густым белым дымом.

К каналу подошел 415-й. Славка Рычков высовывается из люка:

- Товарищ старший лейтенант, садитесь, все сделал.

Пробегаю мимо - к Федорашко. Александр Иванович спрыгивает с брони и утягивает меня за нее:

- Значит так. Берешь "зеленых", и за раненым. Сам из танка не вылазь. Афганцы своего пусть сами вытаскивают. Твое дело - их прикрывать. Вопросы?

- Вы хоть раз видели, чтобы они под пули лезли?

- Это не мое дело! Операция только началась и вы мне все живыми нужны, понял?

- Это-то я понял, только вот с нашей пехотой было бы сподручней туда.

- Ты задачу уяснил? Приказываю взять "зеленых" и обеспечить им эвакуацию раненого. Выходить из машины запрещаю. Вопросы?

- Никак нет.

- Вперед! Стой!

Снова поворачиваюсь к начальнику штаба.

- Серега, ты меня хорошо понял?

- Да, хорошо.

- Смотри, сам полезешь - морду разобью.

- Ну, все. Я полетел - время.

- Давай.

Разворачиваюсь и бегу назад. Сажусь на 415-й, подсоединяю тангенту к шлемофону:

- 410-й, прими вправо, будешь меня прикрывать. Без команды не трогаться. Как понял, прием.

- 410-й понял, - отвечает эфир голосом Имрана Барцица.

Сажая на броню трех афганских сарбозов, обхожу 410-й, иду вдоль канала. Впереди, справа, слева духи. Своих нет - они по ту сторону канала. Проходим метров пятьсот, духи открыли по нам огонь из стрелкового оружия и гранатометов. Загоняю танк в заросли тутовника - хоть какая-то защита от РПГ. Работает снайпер - бьет слишком прицельно. Откуда, не могу понять.

По связи прошу подтянуть ко мне броню, двигаю дальше. Подошел к мосту через следующий канал. Афганцы, сидящие на трансмиссии отказываются идти за раненым. НШ вышел на связь и дальше идти запретил. Разумно. Майор Платинин, командир Баграмского разведбата, видя - как далеко я зашел, бросил ко мне вторую разведроту своего батальона, которой командовал капитан Шевченко. Провел их в "зеленку" еще метров на сто, разведчики закрепились, а я на танке стою, как девица на подиуме - открытый со всех сторон. Пришлось вернуться в заросли тутовника - позиция уж больно хорошая. Подошла первая разведрота - Отара Давитадзе. Разведчики сказали, что до того, как ко мне подошла вторая разведрота, по моему танку было пущено пять гранат. Три вошли в брестер, две прошли выше.

Разведчики капитана Шевченко, продвигаясь вперед за раненым, не видят местности так хорошо, как ее видно мне из танка. Духи их заставляют стелиться по земле - слишком плотный огонь. Приказываю Додону прикрывать их пулеметом, пушкой только в крайнем случае, и то - не в сторону пехоты, сам выскакиваю из танка и иду к разведчикам. Как подобраться к раненому, я уже прикинул. Раненого сарбоза нашли, но вытащили уже мертвого. Ранение в живот - крови много потерял.

Отходим, уложив раненого на плащ-палатку. Возвращаюсь к танку. Только поднимаюсь, чтобы прыгнуть в люк, по броне щелкают пули. Держат на прицеле. Сзади машины запрыгиваю на трансмиссию, махнул рукой слева от командирского люка - выстрел. Ждет шакал, когда садиться в люк буду. Махнул шлемофоном, после очередного выстрела прыгаю в люк. Слева пуля у виска срезает ветку, но я уже в танке. Откуда бьет? Наблюдаю вспышку в земляном валу.

- Додон, тридцать ноль, светлое пятно на валу видишь? Осколочным, огонь!

После взрыва из пробоины хлынула вода - обваловка канала. Высматриваем в земляном валу амбразуры, расстреливаем их. Снарядом содрали дерн, второй снаряд, как мячик отскакивает, и рикошетом уходит вверх. Разрывается в воздухе. ДОТ. Бетон.

Докладываю Федорашко, продолжаю уничтожать огневые точки - слава Богу, раскусили. Додонову:

- Гена, это ДОТ! Надо четко в амбразуру!

Еще один выстрел из танковой пушки. Вижу попадание. Вроде заткнулся. Красавчик, Додон!

В районе моста наблюдаю амбразуры, но стрелять из пушки в ту сторону не могу - там разведчики Шевченко. Предупреждаю их по связи. Володя Шевченко передает мне, что там их уже нет. Разведчики взяли крепость и укрылись в ней. Хорошо предупредили, а то бы мы и по крепости саданули.

Всего мы уничтожили восемь ДЗОТов и один ДОТ. Нормально. Заняли оборону, расположились на ночлег. 410-й танк подтянул к крепости, в которой закрепились рота Шевченко, ко мне подошел первый взвод из роты Давитадзе. Здесь я впервые встретил молодого командира взвода - только что пришедшего из училища лейтенанта Юру Петрова. Наша первая встреча, я думаю, запомнилось не только мне и Юрке.

После того, как мы представились друг другу, командир взвода построил личный состав, довел боевой расчет и стал ставить задачу на оборону. Сидя на танке, наблюдаю такую картину - после отдачи боевого приказа на оборону, лейтенант приказал замкомвзводу достать сухой паёк. Сержант вытащил из боевого отделения БМП ящик с сухпаем, убрал из него один комплект и, подойдя к строю, скомандовал:

- Разобрать сухпай!

Ящик с сухим пайком, после того, как солдаты кинулись его разбирать, завис в воздухе - руки бойцов его буквально разодрали. На землю медленно упала пустая разорванная коробка. Воины разлетелись в разные стороны, на ходу пожирая галеты и разгрызая сахар вместе с оберткой. Глядя на оторопевшего лейтенанта, мне стало стыдно за разведчиков - куда делось их традиционное "братство"? Перехватив мой взгляд, лейтенант отошел в сторону и сел на землю.

Тем временем мои танкисты сотворили ужин, сели все вместе. Командира, как положено, парни пригласили в первую очередь. Подхожу к своим мужикам - они все видели.

- Ну что, парни, пригласим лейтенанта? Нам с ним воевать. Мне бы не хотелось видеть рядом голодного командира - думать не о том будет.

- Без проблем, товарищ старший лейтенант, - отозвался Славка Рычков, - приглашайте, конечно.

Подхожу к Юрке:

- Пойдем перекусим, лейтенант.

- Спасибо, я уже ел.

- Ладно, не ври. Пойдем, парни ждут.

- Да нет, правда не хочу.

- Хорош, не заставляй себя уговаривать. Пошли.

Юрка поднимается. Подходим к экипажу, садимся на заботливо приготовленные моими солдатами раскладные стулья, приступаем к трапезе. Жареная картошка, горячий чай. После ужина Юрка встает:

- Большое спасибо. Пойду, надо посты проверить.

Я поднимаюсь и иду следом. Вижу Юркиного сержанта. Подхожу. Сержант не без любопытства ждет, что скажу. Петров ушел проверять посты. Спрашиваю:

- Поели?

- Так точно.

- Молодец, сержант! Главное утробу набить, а лейтенант, черт с ним. Пусть знает кто в доме хозяин! Сержант - вот кто всему голова! Себе-то ты догадался первым сухпай хапнуть, уже потом солдатам отдал, голодным не остался. Молодец! А завтра тебе с этим лейтенантом в бой идти. Завтра твои солдаты отнесутся к тебе точно так же, как ты сегодня к командиру взвода. А еще "разведка"! Вши вы обозные, ребята. Стыдно.

- Товарищ старший лейтенант...

- Что тебе еще сказать, сержант?

- Ничего. Извините.

- Да мне-то что, парень? Мои солдаты своего командира так не унижают. У меня бойцы, понимаешь? Бойцы! А вы...

Я развернулся и ушел. Только душу разбередил. Паскудно. Поговорил с этим пареньком, как будто в дерьме выпачкался. Не замполит я. Надо будет с Отаром поговорить, иначе потеряет он командира взвода, как офицера.

Вернулся к танку, доложил по связи капитану Федоршко обстановку, выслушал задачу: "организовать взаимодействие и охрану позиций, усилить бдительность и т.д." - все как обычно. Подошел Петров. Совместно уточнили систему огня, схему расположения потов. Чтобы экономить питание на пехотных радиостанциях, я принял решение - дежурная радиостанция - на танке. Ночь с Петровым поделили пополам - с девяти до часу дежурит он, с часу до пяти - я.

Тем временем Рычков разогрел двигатель, парни расстелили на трансмиссии брезент, дежурная смена заняла свои места в танке, а мы со Славкой Рычковым легли отдыхать. Долго лежал с открытыми глазами. Все думы... Сегодня меня могли убить не один раз... Впрочем, как и любого из нас.

Ночь лунная, все небо ясно усыпано звездами. Ночное небо здесь такое же, как у нас на Мухе. Суждено ли мне когда-нибудь рассказывать своим детям о далеких, неведомых мирах, вести те же беседы, что вел со мной Коренев, когда мне было пять лет? В Комсомольске сейчас половина четвертого. Спят. Лишь бы были здоровы и дождались. С этим я и забылся.

Ночью духи тревожили нас выстрелами, наши часовые так же прочесывали местность короткими очередями в своих секторах. В час ночи меня поднял Петров. Я уступил ему свое место на теплой трансмиссии и до рассвета проверял часовых, выходил с докладами на связь и пытался фиксировать вспышки душманских выстрелов - выявлять огневые точки..

15 декабря 1986г.

Перед рассветом позавтракали.

Вчера Юрка Переверзев со своими орлами сделал то, о чем я думал. Они перешли канал западнее нас и ударили по духам с фланга. Как сказал Федорашко, меня не пустили из-за раненого сарбоза. Юрка всегда был молодец!

Прошли через позиции его роты. Встретились, обнялись (придется ли еще?), и танки пошли дальше. У каждого своя задача.

Западнее Саяда подошли к "Чарикарской чаше", похожей на кратер огромного вулкана. Внизу несколько кишлаков. В долине никаких признаков жизни - мирные все ушли.

Приказ - во взаимодействии с первой ротой Баграмского разведбата спуститься в долину и овладеть ближайшим кишлаком. Вторая разведрота и третья мотострелковая рота 682-го МСП Юрки Переверзева остаются пока наверху.

Спускаемся, выходим с Отаром на задачу, докладываем. От "стажера" - позывной начальника разведки дивизии - поступает команда брать следующий кишлак. С Отаром проводим рекогносцировку, решаем - мне с первым разведвзводом идти вдоль единственного прохода к

кишлаку, "зеленых" пустить по виноградникам слева и справа, Отар с остатками роты прикрывает нас с тыла.

415-й идет по проходу, ширина которого примерно три с половиной метра. Идем впритирку к дувалам. Дорогу перед танком проверяют два сапера. Слева залитые водой ухоженные виноградники, справа глубокий ров. Единственно, где может пройти танк - этот проход. Не доверяя саперам - молоденьким солдатикам, выхожу из машины, забираю у одного из них щуп, иду сам проверять дорогу. Чтобы не маячило перед танком много людей, саперам приказываю садится на трансмиссию танка. Сам иду впереди и проверяю дорогу.

Проход между дувалами делает зигзаг почти под прямым углом. Остановив машину, занимаю свое штатное место. Понимаю, что не пристало мне - командиру авангарда, выполнять не свою работу. Для принятия решения командир должен находиться на своем месте. "Зеленые", которые по замыслу должны идти впереди нас, в лучшем случае идут рядом, жмутся к дувалам. Таджику из взвода Юры Петрова, выполняющему функции переводчика, говорю:

- Скажи командиру "зеленых" - пусть залягут, а после выстрела из танка - бросок на 50 метров.

Залп по стене дувала я решил сделать из следующих соображений - во-первых там очень удобно поставить фугас, а если он там есть - должен сдетонировать, во-вторых необходимо расширить проход для танка, к тому же если духи где-то и устроили засаду, так это только в этом месте. Очень уж оно удобно для этого.

Убедившись, что афганцы укрылись, команду Додону "огонь". После выстрела, пока не осела пыль, подходим к пролому, поворачиваем танк и двигаем дальше. Сквозь пыль вижу бегущих по виноградникам "зеленых". Это, кстати сказать, был единственный грамотный маневр "зеленых" на этой операции. После того, как из кишлака духи открыли по нам огонь, афганцы вперед нас больше не пошли. Из всех видов танкового вооружения подавляем огневые точки. Кишлак окутан плотным облаком поднятой от разрывов танковых снарядов пылью. Работаем пулеметом. 410-й ведет огонь из проделанного нами пролома. По связи приказываю Барцицу:

- 410-й, "огурцы" беречь. Работать "семечками" и ДШК по амбразурам короткими. Прием.

- Понял 410-й.

С переводчиком спрыгиваю с танка к сгрудившимся за дувалом афганским "командос".

- Где ваш командор?

Ко мне подходит солидный, лет тридцати пяти афганец.

- Командор?

Кивает.

- Поднимай людей, и на кишлак.

В ответ глупая улыбка и отрицательное мотание головой. Переводчику:

- Скажи ему, что это приказ.

Выслушав переводчика, комбат "зеленых" снова отказывается идти вперед.

- Ах ты сука! - Хватаю его за грудки, - пойдешь, куда ты денешься!

Сарбозы повскакивали, направили на меня автоматы. Таджик что-то крикнул по-своему и влупил очередь над их головами. Подскочили разведчики Петрова. Мой заряжающий Сережа Отыч, высунувшись из танкового люка, направил автомат в их сторону. Только этого нам еще и не хватало. Отпускаю комбата, кричу:

- Все! Всем по местам!

Подхожу к 415-му, подсоединяюсь к радиостанции. По внутренней связи ставлю задачу экипажу:

- Додон, через десять секунд три "огурца" по крепости и наблюдать за мной. Рычков, следуй за нами, ближе двадцати метров к кишлаку не подходить. 410-му передать - стоять на месте, при необходимости прикрыть огнем, из пушки без команды не стрелять. За меня Додонов. Вопросы?

- Все понял, - ответил Додонов.

- Ну, с Богом.

Подбегаю к Петрову:

- Юра, после третьего выстрела из пушки берем крепость, там разберемся. Задачу надо выполнять.

- Я не могу. У меня приказ - идти за афганцами.

- Лейтенант, кто здесь старший?! Это приказ!

415-й делает три выстрела, и я бегу к кишлаку. До него метров сто. Бегу не оглядываясь, зная что разведчики должны быть рядом. Выбора я им не оставил. Воевать с "зелеными" нет

смысла. Про их трусость наши ребята даже песни слагали, а задача должна быть выполнена. Остановись мы сейчас, потери будут большими. Убеждён, что поступаю правильно. Быстрота и натиск - этот суворовский принцип здесь был как нельзя кстати.

Бежим, пока пыль еще не осела. По нам вроде пока не стреляют - из крепости нас просто не видно. Подбегаю к пролому в крепости, швыряю гранату, вбегаю внутрь. Пыль, терпкий запах разорвавшегося тротила, чья-то тень. Стреляю почти в упор. Дух падает, развернувшись ко мне лицом. Дикий оскал широко открытые глаза. Ударом ноги вышибаю автомат из рук уже падающего душмана и бегу дальше. Слева и справа от меня бегут, стреляя на ходу, разведчики. Ору Петрову:

- Юра, внимательнее! Не зарываться! Из крепости ни шагу! Сейчас танки подтяну, разберемся! Выскакиваю из крепости, призывно машу рукой своим танкистам. 415-й мгновенно выпускает из выхлопной трубы тугую струю густого дыма и летит навстречу мне. В этом порыве 415-го танка чувствуется переживание моих солдат за своего командира, видно как парни ждали этой команды.

Крепость взяли без потерь. Духи ушли кяризами.

"Зеленые" подошли, хотели войти в крепость, но я их не пустил. Показал на следующую - занимайте ее. Стадо афганских "воинов" ввалилось в соседнюю крепость, и сразу раздался взрыв - один сарбоз подорвался на mine. Побитой собакой ко мне подошел их комбат, попросил саперов. Разговаривать с ним я не стал.

Пока "чистили перышки", сверху к нам спустился Отар Давитадзе со своей ротой, подошли 410-й, 429-й танки и БМП разведбата. Разведчики провели зачистку кишлака. Обошлось без боя - духи ушли. Расставляя технику, увидел в винограднике троих людей. Запросил по связи комдива - есть ли кто впереди нас? Ответ комдива:

- Впереди вас никого. 415-й, осторожнее, вперед не лезь, - и уже Давитадзе, - "полосатым" проверить кишлак, по выходу на северную окраину доложить.

Поле того, как "полосатые" вышли на северную окраину, поступила команда:

- Брать следующий кишлак. "Зеленых" пустить вперед.

После небольшого совещания с Давитадзе, решаем броню пустить по виноградникам, впереди брони - "зеленые", за броней - разведчики Отара. Афганские солдаты, уступая нашему численному превосходству, нехотя поплелись вперед, но мало-помалу оттягиваясь к броне. Так мои танки снова оказались впереди. Время на остановку терять было нельзя. Хорошо еще, что разведчики шли как заградотряд, а то бы "зеленые", как мне казалось, просто бы куда-нибудь смылись.

Броне по виноградникам идти трудно - они здесь расположены террасами с перепадом высоты в полтора метра. Находящийся наверху Федорашко пытается мною командовать, указывая как идти дальше, засоряет эфир. Обрываю его:

- Мне здесь виднее.

- Хорошо, работай.

Перед операцией начальнику штаба дали забавный позывной - "Фидор". По этому проводу Александру Ивановичу долго потом еще пришлось терпеть дружеские шутки.

Натыкаемся на отвесную стену очередной террасы, находим проход - только-только можно пройти, ставя правый рычаг во второе положение. Здесь подтверждается афоризм моего механика-водителя - "Рычаг свое дело туго знает". Молодец Славка. Двигаемся дальше. Местность заставляет мой танк идти по узкому проходу между дувалами. В дувалах частые проломы. Проходя один из них, мне показалось, что кто-то пробежал по винограднику. Останавливаю танк. Ставлю задачу экипажу:

- Додон, я сейчас выхожу из машины, иду вперед. Держать меня на прицеле. Если на меня накинута духи, стрелять из пушки и не церемонится. Это приказ. Рычаг, спокойно на первой передаче за мной. Отычу прикрывать меня сверху из автомата, приготовить гранаты. Все, я пошел.

Соскакиваю с танка и иду вперед. Справа проломов нет, все мое внимание - влево. Подхожу к первому пролому, швыряю гранату, прочесываю виноградник очередями из своего АКСа. Вроде тихо. Иду дальше. Подхожу ко второму пролому. АКС держу наготове. Напряжение высоко - кто-то же мелькнул в винограднике! Вдруг из пролома вылетает что-то живое. Я был настолько напряжен, что выпускаю из магазина все патроны. Оно, перебежав дорогу, плюхнулось под одиноко стоящий куст, побарахталось и затихло. Только сейчас я понял, что это какая-то живность. Сменив магазин, я дал очередь в пролом - тишина. Швырнул гранату, еще раз прошелся очередью по винограднику - тишина. Залез в пролом, осмотрелся - ничего

подозрительного. Вернулся на дорогу, подошел к кусту. Под ним лежала огромных размеров курица, каких я еще ни разу не видел. Беру ее за голову, на которой практически отсутствует гребешок, и швыряю на танк. На меня смотрят смеющиеся глаза заряжающего Сереги Отыча и механика-водителя Славки Рычкова. Я не смог сдержать смех. Сажусь на свое место, подсоединяюсь к ТПУ:

- Об ужине только командир и думает, засранцы.

Рычков не поленился нажать тангенту, чтобы все услышали его смех.

В третий кишлак входим спокойно, без выстрелов. В кишлаке встречаемся с Отаром. Откуда-то появляются афганские "командос". Давитадзе гонит их вперед. Странно, но пошли именно вперед. Заставили их занять две самые северные крепости. Мы с управлением Давитадзе располагаемся в самой большой крепости, где есть вода. Разведвзвод Петрова Отар поставил в крепости с западной стороны кишлака. Его взвод Отар усилил двумя расчетами АГС, 429-ым танком усилили подошедшую роту Володи Шевченко, которая заняла здание на восточной окраине. 410-й и 415-й остались при управлении.

Докладываем о выполнении поставленной задачи своему командованию, получаем приказ: "расположиться в кишлаке, занять оборону, ждать дальнейших распоряжений". Александр Иванович Федорашко дал команду подготовить лучшую комнату "в женском общежитии" - значит скоро подойдет.

Экипажам ставлю задачу на обслуживание танков и приведение себя в порядок. Пока я обслуживаю радиостанцию, Сережа Отыч чистит пулемет, Рычков, Толстый и Додонов готовят обед. Толстый занимается костром и посудой, Додонов чистит картошку, Славка Рычков общипывает убитую мной курицу.

После дикого напряжения последних дней приятно просто дышать сочным воздухом, потихоньку протирать клеммы, греться на солнышке и слушать лукавое воркование своих солдат. Тишина, и в этой тишине слышно даже движение ножа, снимающего кожуру с ядреной картофелины в руках Додонова.

- Все-таки, мужики, - нарушает тишину Славка Рычков, - нам еще учиться и учиться у своего командира. Это ж надо так - в курице всего одна пуля, и та в сердце. Снайперский выстрел, нечего сказать.

- Ну-ка, ну-ка, покажь. - Толстый подходит, смотрит. - Точно, вот это да!

- Оно и понятно, - вступает в разговор Отыч, - сорок четыре выстрела пристрелочных, а последним завалил, как надо. Профи! Не шарам-барам. - Смеются.

- Так орлята, доболтались. - Поддерживаю шутливую беседу своих пацанов. - Вам достается самое ценное в курице - голова, крылышки и задница. А мы уж с капитаном Федорашко и командиром разведчиков уж как-нибудь остатками перебьемся.

Теперь уже смеемся все вместе. Хорошо!

Что ни говори, а лучших кулинаров, чем мои солдаты, я не встречал. Отваренная, потом обжаренная до золотистой корочки курица, великолепно пожаренная картошечка, компот из ягод тутовника.

- Товарищ старший лейтенант, готово! Прошу к столу. - Пригласил Рычков.

- Спасибо, Слава. Давайте покушайте сначала сами, а потом уже нам с офицерами картошки нажарите. Мне еще нужно к 429-му пройти. Посмотрю, как они устроились. Да и начальник штаба обещал подойти. Так что вы давайте, без обиды. И еще - курицу пополам разрезать, всю нам не оставлять. Это приказ. Чтобы все поели. Вопросы?

- Все понятно. Разрешите приступить к выполнению поставленной задачи?

- Приступайте.

Чтобы не смущать парней своим присутствием иду в крепость к Отару. Вместе с ним идем к Шевченко и Петрову. Кишлак небольшой - несколько домов, так что идти недолго, но все-таки нас сопровождают трое разведчиков. Кяризная система не дает никакой гарантии полной безопасности - никто не знает когда и из какого кяриза вылезет дух. Экипаж 429-го танка при виде меня встает, командир танка четко докладывает:

- Товарищ старший лейтенант, экипаж 429-го танка завершил обслуживание танкового вооружения, в данный момент занимается подготовкой к приему пищи. Командир танка сержант Порядин. Приглашаем покушать с нами.

- Спасибо, я уже покушал. Как устроились?

- Нормально.

- Так, командир, давай отойдем - покажешь сектора обстрела, где запасную позицию выбрал?

Пока мы с Юрой Порядиным осматривали позиции и уточняли систему огня, Отар побеседовал с командиром второй разведроты капитаном Шевченко, и они вместе вышли из крепости.

- Володя, - обратился я к Шевченко, - может пойдём к нам, пообедаем. Мои парни курицу приготовили.

- Ты же понимаешь - не могу своих оставить. Взводный у меня молодой, еще не обстрелянный. Так что, спасибо за приглашение, но не могу. В следующий раз как-нибудь.

- Ну добро, на нет и суда нет. - Подал голос Отар.

- Вот морда грузинская! Обрадовался, что ему больше достанется, - хохотнул Шевченко.

Попрощавшись с мужиками, мы с Отаром пошли проведать Юру Петрова. У него все было нормально.

Когда вернулись к себе, начальник разведки дивизии майор Качан и капитан Федорашко нас уже ждали. Я подошел к начальнику штаба:

- Товарищ капитан, боевая задача выполнена, потерь нет. Личный состав после обслуживания техники и вооружения занимается приемом пищи.

Александр Иванович не стал дальше слушать мой доклад. Подошел, хлопнул меня по плечу:

- Молодцы, все хорошо. Но если ты, гаденыш, еще раз исказишь мой позывной, уши оборву. Понял?

- Не понял, товарищ капитан.

Сзади не смогли сдержать сой смех офицеры-разведчики.

- Ладно, - поняв, что я не признаюсь, начальник штаба сменил тему, - ты, говорят, к столу нас приглашаешь. Так?

- Конечно! Вы подоспели в аккурат к обеду. Рычков! Что у нас с пищей?

- Готово, товарищ старший лейтенант. Прошу к столу.

Увидев приготовленные яства, Александр Иванович вопросительно посмотрел на меня. Делаю непонимающий вид. Отар, перехватив взгляд капитана Федорашко, посмотрел на начальника разведки:

- Закусь действительно уж больно хороша, не находите?

- Давитадзе, - шутливо произнес майор Качан, - так ты еще не достал?

- Обижаете, Анатолий Николаевич. - С этими словами на импровизированном столе появилась изящная бутылка армянского коньяка "Арарат". Любил Отар этот напиток.

Обедали спокойно, не торопясь. На совещание никто не вызовет. Самое большое начальство здесь - начальник разведки дивизии майор Анатолий Николаевич Качан. Во время обеда провели разбор завершившегося этапа операции. Я, как это и положено получил за то, что "зеленых" не могу впереди себя погнать.

- Драться с ними не надо, - воспитывал меня НШ, - не идут, не надо. Встал, и стой.

- Ну и торчали бы мы сейчас перед первым кишлаком, - пытался оправдаться я.

- Ну и торчали бы. Это уже тебя не касается. Тут командиры с генеральскими погонами есть, вот они пусть и решают, как поступить, а тебе, сопляк, - начал горячиться Федорашко, - пионерский костер в заднице потушить бы пора. Так вот.

- Ага, - не унимался я, - они там наверху пусть решают, а меня в это время с моими пацанами снайпера пусть щелкают!

- А ты из танка не вылезай!

- А вы гранатометы у них позабирайте!

- Ладно, хватит вам, - вступил в разговор майор Качан, - поцарапайтесь еще! Нормальный у тебя офицер, Александр Иванович. А вот прыгать из танка по поводу и без, действительно не следует, командир.

Вечер прошел относительно спокойно.

16.12.86г.

Стоим на месте со второй ротой Баграмского разведбата. Первую роту Отара Давитадзе, с зелеными перебросили на другой участок. Отдыхаем. Духи постреливают. Стоим у канала.

Глушим рыбку маринку. Голова, хвост, и плавники у рыбешки ядовитые - в пищу употреблять нельзя, а так - ничего. На безрыбье... Крабы, как детские игрушки - в пищу не годятся совсем.

Там где вчера прошли мы, подорвались три танка из 177-го полка. Наш полк воюет где-то левее нас. Вошли в кишлак, потеряли двоих убитыми, один ранен. Не весело им там.

Ближе к обеду комдив собрал командиров батальонов на совещание. Когда НШ проезжал мимо, я его остановил:

- Александр Иванович, уточните там - когда снаряды подвезут. В танках осталось по трети б/к, у иных и того меньше. Чем воевать будем?

- Знаю, Серега, знаю.

Когда НШ уехал, разворачиваю карту. От нас метрах в пятистах пятнадцатая застава батальона охраны. А на заставах - по пять б/к на каждую единицу техники. НЗ. Ну и что, что НЗ, неужели не уговорим начальника заставы на несколько десятков снарядов?

После совещания поступила команда отойти от канала на 300 метров, для техники оборудовать окопы, пехоте окопаться и занять оборону. Понятно, значит здесь и заночуем.

Своим танкам, при отходе, даю команду при выборе позиций максимально использовать складки местности, чтобы меньше ковырять лопатой мерзлую землю. Парни справились достойно. Пришлось, правда взрывным способом углубится на полметра, и окоп получился на славу.

На разведчиков смотреть больно. Прошел легкий снежок, поднялся ветерок. Промокшие, они саперными лопатками ковыряют землю. Глубже зароешься, больше вероятности выжить. Сержанты капитана Шевченко нашли подходящую для блиндажа яму, разожгли костер, и по очереди солдаты подходили к костру обогреться, и выпить кружку крепкого горячего чая с галетами сухпая. К вечеру они перенесли костер в другое место, вычистили яму, перекрыли ее. Получился неплохой блиндаж на десять человек.

Пока пехота зарывалась в землю, танкисты вели наблюдение за местностью, и обрабатывали ее из стрелкового вооружения. По одному человеку из экипажей заготавливали дрова, готовили ужин.

Меня не оставляла мысль о боеприпасах. Снарядов становилось все меньше, а на их подвоз я уже не рассчитывал. Нужно было думать, как добраться до пятнадцатой заставы батальона охраны. После нашего отхода от канала застава стала ближе, но оставлять людей в боевой обстановке... Мои мысли прервала МТЛБшка, прыгающая по местности в сторону 15-й заставы.

- Рычков, за мной! Додонов за меня!

Хватаю автомат, и бегу наперерез тягачу. Останавливаются. Зампотех второго батальона нашего полка. Едет за водой на заставу.

- Меня с бойцом захватите?

- Давай!

Приезжаем на заставу. Застава, как застава. Такая же, как и наши. Командир взвода лейтенант. 1986 года выпуска. Небольшого роста, что для пехоты редкость. По его разговорам, по манерам поведения, по тому, как парень отдает команды, и как ведут себя его подчиненные, чувствуется опыт бывалого вояки. Напыжнности, бравады нет. Видно, что цену себе этот офицер знает, мальчишкой его не назовешь. Кокетничать я с ним не стал, изображать из себя "старшего товарища" тоже не имело смысла.

- Рычков, потолкуй с бойцами. Может земляка найдешь. Нам нужны снаряды. Главное договориться, потом на танке подъедем. Понял?

- Так точно.

- Вперед, родной.

Зампотех тем временем занимается заправкой емкостей водой из колодца.

Подхожу к начальнику заставы.

- Привет. Я с дороги. Сейчас мы здесь на операции. Наша третья рота в вами. Я вон вижу два танка с нашего батальона. Знаю, что на заставе на каждый танк хранится по пять б/к. Выручай, братка. Снаряды закончились. Хотя бы штук двадцать, не до хорошего. Тебе все равно привезут, как только колонна подойдет, а мне придется ли еще раз к тебе подъехать.

- Пошли в крепость. Товарищ майор, - крикнул он зампотеху, - пойдемте чайку хлебнем. Тут сами разберутся.

Заходим в комнату начальника заставы. Вижу, думает лейтенант, пока наливает нам в кружки душистый и крепкий чай.

- А на чем ты собираешься снаряды забирать, на этой таблетке?

- Да я тут рядом с тобой стою. На танке подъедут пацаны, загрузят.

- Ладно. Двадцать, не двадцать, а пятнадцать снарядов я тебе дам.

- Лады, тогда я танк к тебе минут через тридцать отправлю?

- Хорошо. Отправляй.

Когда приехали назад, Рычков, с бойцами из пехоты вытащили из МТЛБ пять танковых снарядов. Пока мы чай пили у лейтенанта, он нашел командира танка, с которым пересекал границу, и они загрузили эти снаряды в тягач прямо из танка. Благо лейтенант не видел. Не сдали бы те, кто это видел. Рычков меня успокоил - никто, кроме танкистов не видел, а наши, дескать, не сдадут. Молодца, Славка!

Пока суть, да дело, перегружаем с 410-го снаряды в 415-й. Чуть стемнело, отправляю 410-й танк на пятнадцатую заставу. Сам думаю - сейчас привезут снаряды в ящиках, их же мыть надо! Федорашко вышел на связь:

- Что это у тебя там танки катаются?

- Прогреваем двигатели. Стоим на месте. Прием.

- Гляди там у меня!

- У меня 115.

- Ну-ну, до связи.

Спасибо тебе, лейтенант, что выручил нас тогда. За то, что нам не пришлось солярой отмывать парафин, отдельное спасибо. Надеюсь, ты благополучно вернулся в Союз, и жизнь у тебя сложилась. Во всяком случае, мне бы этого очень хотелось.

На моих танках полный боекомплект! Живем!

17.12.86г.

В 5.00 снимаемся и идем на выручку к своему полку. Комдив в эфир: "Пусть ваши танкисты научат вас воевать". Приятно слышать.

С ходу в бой. Пришлось потратиться. Работа есть работа. Подошли вовремя. Духи, видя, что танков нет, решили атаковать с утра, отрезать батальон от основных сил, и уничтожить. Не вышло. Здесь наши начальники приняли грамотное решение, отправив танки.

Ренат потом рассказывал, как при выходе из кишлака командир полка крикнул ему: "Доктор, прикрой!".

- Я, как дурак, стою посреди улицы, стреляю из автомата по крышам домов! Потом вижу, один остался, как чухнул оттуда! Уже потом думаю, ни хрена себе "доктор, прикрой".

Ренальдо, как мы его звали, вообще интересный мужик. О нем об одном можно целую книгу написать!

Подорвался еще один танк - толи в 177-ом, толи в 180-ом полку, не понял. Разведбат остался со своей броней. По связи требуют бестолковый расход боеприпасов - по полбоекомплекта на каждую крепость. Я что, дурак, что-л.? Я-то знаю, что склады в Баграме пустые.

Семнадцатого декабря в Чарикарской зеленке духи применили отравляющие вещества. После того, как мы с танками ушли вытаскивать родной полк, вторая рота Баграмского разведбата была в полном составе подвержена действию ОВ.

Как мне потом рассказывал сам командир роты, который, кстати, за это был снят с должности, и впоследствии командовал тем же взводом, что и погибший Володя Исмаилов, разведчики выходили из укрытий, бросали оружие, и начинали ходить вокруг техники, некоординированно размахивая руками. Огневого воздействия по ним не было. Духи просто оттуда ушли.

Тогда мне вспомнился фильм про предателя Кротова, где на документальных кадрах было показано воздействие на узников фашистских концлагерей газа диоксид, нервно-паралетического действия.

В тот день, сразу же из Баграма прибыла бригада врачей (насколько я помню - трое), которые в полевых условиях (!), в течение четырех часов (!) сделали полное переливание крови у 64 человек. Все пострадавшие были госпитализированы. Летальных исходов не было. Врачей тех даже к наградам тогда не представили. Типа - это их работа. Считаю это свинством.

Поступил приказ, и всему личному составу привезли противогазы.

Операция продолжалась.

18.12.86г.

Скоро пойдем.

Отставили.

Справа пятая мотострелковая рота. Капитана Федорашко с четырьмя танками забрали на 28-ю заставу. Остался с 415-ым и 410ым. Снарядов мало. Обещают колонну сразу сюда направить. Подвезут ли? Вряд ли.

19.12.86г.

Стоим с пятой мотострелковой ротой. Оборону заняли, используя складки местности, а именно - вал, высотой около метра, один край которого упирается в развалины крепости, другой, метрах через триста сходит на нет в чистом поле. Впереди виноградники, и кишлак, в котором батальон попал в засаду.

С командиром роты поставили 410-й танк на правом флаге, в развалинах. Там же расположился второй мотострелковый взвод. Роте придана "Шилка". Поскольку снаряды она жрет при стрельбе "как бык помой" (6000 выстрелов в минуту), то ее сопровождает грузовой "Урал" с боеприпасами. "Шилка" в центре. Основную огневую позицию для 415-го оборудовали 50 метров левее "Шилки", запасную - на левом фланге. Ждем приказа.

Долго духи отдыхать не дали. Начался обстрел. Во время перестрелки один солдатик с СВД спрятался в канаве. Лег на спину, обнял винтовку, и с промежутком 20-30 секунд производит выстрелы в воздух.

Другой вдруг, ни с того ни с сего, выходит на бруствер и, согнувшись под тяжестью амуниции, плетётся по гребню, волоча за собой по земле свой автомат. Это надо было видеть! Зимняя форма одежды. Ватные штаны, гармошкой собранные поверх сапог, на несколько размеров больше положенного, бушлат, висящий на тщедушном тельце, как на вешалке. Сверху на всём этом безобразии болтается бронезилет, на голове каска, надетая поверх зимней шапки. Прошло это чудовище метров пять, пока его не сбил с ног сержант. Солдат испытал тяжелейший стресс, у парня не выдержали нервы, и "поехала крыша". Его отправили в госпиталь.

Пушкой не стреляем, бережем снаряды.

Во второй половине дня духи решили, коли танковое орудие не стреляет, значит что-то с пушкой не так, и стали подбираться все ближе.

Командир взвода обнаружил передвижение противника на левом фланге, и открыл огонь из станкового пулемета "Утес". На 415-м переходим на запасную огневую позицию, что на левом фланге. Лейтенант ведет огонь правее нас, метрах в пятнадцати. Вижу, как он отводит руки в стороны, от пулемета. "Утес" продолжает молотить пространство, теперь уже просто разбрасывая в белый свет, как в копейку, 12.7 миллиметровые болванки. Продолжая стрелять, пулемет стал подниматься на станке (на дыбы). Было видно, что скоро станок перевернется, и пулемет будет молотить по своим. В порыве отчаяния лейтенант прыгает сверху на пулемет, и начинается родэо!

Душары, видя такое дело, приподнимаются из укрытий, и начинают стрелять по-спортивному в лейтенанта на пулемете.

И тут мой Додонов не выдержал. Танковый снаряд вошел в центр группы из пяти-семи душманов. Командир роты корректировал работу миномета. 82 мм мины минут десять рвали местность, откуда был огонь.

После того, как "Утес" пропустил через себя все пятьдесят патронов ленты, и устало заткнулся (по другому не скажешь), взводный свалился вниз. Он долго не мог поднести к сигарете зажженную спичку. Его трясло.

Приказав прекратить огонь, я дал команду наблюдать, и выскочил из танка. Пригибаясь, подбежал к лейтенанту:

- Сам-то цел?

- Не знаю.

- Ну-ка, дай гляну.

В нескольких местах бушлат парня был продырявлен пулями.

- Куртку сними, - приказал я.

Осмотрев и ощупав лейтенанта, я успокоился. Этому пока повезло. Единственное повреждение - обожженная о ствол пулемета ладонь. Я помог ему прикурить, закурил сам и, подстелив куртку своего комбинезона, прилег на землю.

Высоко в небе парила гордая горная птица. Небо прояснилось, ярко светило солнце...

Лейтенант тупо рассматривал дырки от пуль на бушлате.

Пулемет отправили в тыл.

20.12.86г.

В 6.30 над 415-ым прошли две гранаты. Опять обстрел. Работали снайпера. Разрывными. Пошел на левый фланг. Все открыто. На месте стоять нельзя - сожгут. То прямо, то влево, то назад. Снарядов мало. Стреляем только наверняка. Из-за дувала лупят стрелковым. Наводим орудие - замолчали. Держим на прицеле. Секунд через 30-40 огонек снова заработал. "Огонь!" Тишина. Больше оттуда стрелять некому. Отходим. Снова обстрел. Замполит полка по второму штату майор Беляев отправил солдатика с "Шилки" за своими к каналу. БМП проскочила к переправе. Долбят из виноградников, из крепостей. На 415-ом выходим на свое поле. Только повернул люк, обожгло руку. Нырнул в люк. Снайпер не промахнулся. Не поверни я люк, пуля в аккурат пробил бы сердце, а так она вошла в триплекс и там застряла. Стеклом посеколо руку.

Между нами и духами посреди поля из какой-то ямы торчит рука и стреляет вверх из АКСУ. Раненый. Кроме меня никто не видит. Идет бой. Надо забирать парня. БМП удаляется, на связь не выходит - одно слово - "боевики".

"Вперед влево, пушку вправо". Подходим. Тот самый парень с "Шилки", которого Беляев отправил к переправе. Выпрыгиваю из танка. Додонов прикрывает меня пулеметом. Солдат ранен в ногу. Две пули. Кажется, перебита кость. Загружаю его на левую полку, подсоединяюсь к ТПУ (благо - гарнитура длинная), придерживая раненого, команду механиком. Додонову приказываю башню не поворачивать - на полке раненый. 410-му даю команду прикрывать нас огнем ДШК. Отходим. Бегу рядом с танком. Прикрываю из своего автомата, поскольку наводчик вести огонь из танка не может - башня на стопоре. Выгружаем раненого. Танком прикрываем врача.

На связь выходит сержант Барциц - командир 410-го и сообщает, что с ДШК не даёт работать снайпер. Лупит разрывными. Осколками Барцицу посеколо руку.

Перехожу на 410-й. Надеваю бронезилет, сажусь за ДШК. Работаю по дувалам, прикрывая доктора, который перевязывает парня. Расстрелял три коробки. Много, но жизнь наших мужиков дороже. Перевязку закончили, солдата унесли к БМП для отправки в медсанбат. Духи остервенело лупят по 415-ому. Выпрыгиваю из 410-го, бегу к 415-му. Пробегаю мимо БРМки и вижу торчащие из открытых дверей машины ботинки. "Неужели еще один?" Заглядываю внутрь. На сиденьях для десанта лежит на спине замполит майор Беляев. Глаза широко открыты. Страшно. Увидев меня, майор хватается за тангенту и, прижимая левой рукой ларингофоны, начинает кого-то, якобы, вызывать по связи. "Якобы" - потому что шлемофон к тангенте не подсоединен и этот спектакль разыгрывается для меня. Слишком уж долго я присматривался - кто здесь лежит. Отбегая от БРМки у меня было, наверное, очень ехидное выражение лица потому как последнее что отложилось в памяти - жест правой руки майора. Сообразив, что я все понял и видел неподключенность шлемофона к радиостанции, замполит в сердцах отшвырнул тангенту в сторону. (Кому понравится, когда подчиненный видит что ты просто трус?)

Под цоканье пуль занимаю свое место в 415-ом танке. Работаем пулеметом. Справа от нашей позиции - позиция "Шилки", которую, учитывая большой расход боеприпасов, всегда сопровождал бортовой "Урал", груженный 23мм снарядами. Духи трассерами подожгли этот "Урал". Загорелся тент, под которым лежали снарядные ящики. Тут "как всегда вовремя" появляется майор Беляев и дает команду тушить машину. В кузов пытается залезть солдат, но его тут же снимает снайпер. К горящему "Уралу" подгоняю 415-й, прикрываю кабину машины, давая возможность водителю сесть за руль. Водитель, подчиняясь моим жестам, подбегает к танку.

- Быстро за руль! Машину отгони за тот бугор, там пехота. Помогут потушить. Бегом!

"Урал" благополучно эвакуировали и потушили, а на совести замполита еще один солдат.

Обстрел поутих. Можно пить чай. К костру подходит Беляев.

- Ты это, Погодаев... Ты так не прыгай. Убьют ведь.

- Жить вообще опасно, от этого умирают, а вот бойцов под пули бестолково посылать - это и другие могут. Только в этом бою на твоей совести трое. Мало? Шел бы ты, а?

- Пожалей, - выдохнул он и отошел от костра.

После этой операции еще один мой наградной улетел в урну. На этот раз орден "Красного Знамени".

Славка Рычков прихлебывая горячий чай смотрит в сторону командирского люка. Глаза наполняются влагой.

- Что, Славик, горячо?

Солдат смотрит на меня:

- Где мы еще такого командира найдем?
- А чего это ты меня хоронишь? Прекрати, нам еще на твоей свадьбе всем экипажем плясать.
- Вы же все равно не приедете.
- А ты пригласи.
- Приглашаю.
- Решено. Да, мужики?
- Какие проблемы? - Отозвался Отыч.

В 1989 году поступал я в академию бронетанковых войск. Таким образом оказался в Москве. Когда появилось время, решил навестить Славку Рычкова и поехал в деревню Горшково Егорьевского района. Мое место было на переднем сиденье, рядом с водителем. Вижу слева от дороги на пашне стоят два трактора "Белорусь", а рядом три мужика бьют друг другу морды. Уже проезжая мимо, вдруг в одном из них узнаю своего Рычкова. Вскликаю с места, прошу водителя остановить автобус.

- Остановка будет, тогда и остановимся. - спокойно отвечает шофёр.
- Тормози говорю, - ору я, хватая водителя за грудки.

Автобус останавливается, открываются двери и, уже выскакивая, слышу кто я есть на самом деле. Мне не до того. Бросаю дипломат и бегу к дерущимся. Меня не замечают. Отшвыриваю одного мужика за шкуру, второго пришлось ударить, иначе бы досталось мне, хватаю Славку. Тот размахивается, кулак останавливается в воздухе, Рычков растерялся.

- Командир, ты что-ли?
- Я, Славка, я. Руку-то опустить можешь, меня же бить не будешь?
- Как же не буду, - смеясь, и обнимая меня, говорит мой механик-водитель, - вы же брата моего вон как саданули.

Мужик, которому от меня досталось, встает, потирает ушибленное место и недоуменно смотрит на нас.

- Чего глядишь, брателла, командир это мой. С Афгана. Погоди, командир, - Славка отстраняется от меня, - дай хоть посмотрю на тебя.

Выяснив, кто есть кто и расставив все точки над "i", едем на двух тракторах в деревню. Оказывается, это был обычный разговор русских деревенских мужиков, двое из которых братья, а третий тоже какой-то родственник. Эдакая беззлобная драка повздоривших родственников. По-моему они сразу же забыли из-за чего произошла ссора.

После того, как мы плотно пообедали под "килограмм" русской водки у Евдокии Степановны - Славкиной матери, Вячеслав Евгеньевич Рычков повел меня в новый дом показывать выделенную ему трехкомнатную квартиру. Мне, честно говоря, было очень радостно за него, за людей, которые со вниманием отнеслись к Солдату, честно выполнившему свой воинский и гражданский долг, на груди которого весомо и строго закрепились медаль "За Отвагу" и орден "Красной Звезды".

Все это будет потом, в той, далёкой пока еще для нас мирной жизни, а пока мы рады тому, что еще живы...

На 410-ом три пули побили фару "Луна", в двух местах пробита коробка командирского ЗИПа. Подвезли восемнадцать снарядов. Пехота поднесла кружку водки. Стресс чутка снял.

Снова обстрел. Ранен командир 423-го танка. По связи передали - оторвало руку, пробило живот. Сержант Физер Анатолий Дмитриевич. Скончался по дороге в медсанбат, не приходя в сознание.

Увидел, как на башенку одной из крепостей поднялся один дух. Второй снизу ему подавал гранатомет. Влупили туда осколочный. Одним гранатомётчиком меньше.

"Шилку" прошла очередь ДШК. Один легкораненый. У нашего танка, на переднем броневом листе след от взрыва осколочной гранаты. Видимо перепутали - китайского не знают, так бы прочитали. В горячке боя не заметили, как нам снесли фары.

Вечер. Звезды. Сегодня суббота - день космической связи с женой. Всё у меня хорошо, родная. Люблю тебя, Солнце моё, Звезда моя, моя богиня.

21.12.86г.

Дома 12.00. У нас пока тишина. Ночью воевал 180-й полк. В 5-й МСР ночью ранили бойца. 7.30. Начался обстрел. Пошел дождь со снегом. Слякоть.

Во время затишья решили поставить на трансмиссии конструкцию, типа палатки - срубили жерди, натянули брезент. Экипажу 410-го понравилось наше сооружение, решили тоже самое

изобразить. Барциц с Сашкой Толстым стали натягивать брезент, тут сержант вскрикнул, и упал с танка в грязь. Я к нему. Толстый стоит на трансмиссии. Ору на него, механик прыгает на землю. Хватаю Имрана за комбез, волоку за танк. Ору: "врача!!!". Переворачиваю раненого на живот, куртка комбеза целая. Сдираю штаны, ранение в район крестца. "Держись, Барс!". Рычков несётся с промедолом. Последний тубик. Подбежал наш доктор - Ренат.

- К бою! За Барса!

В развалинах "кровь, гавно и гвозди". Возвращаюсь к Барсику. Ренат посмотрел, выходное отверстие есть. Прострел ягодицы. Задета ли кость, цел ли позвоночник? Сержанта эвакуировали. Минут через пять повезли зампотеха второго батальона нашего полка. Прострелили руку. Кость, слава Богу, цела.

Два дня духи из минометов пристреливали переправу через канал. Сегодня, после того, как БМП с раненым зампотехом прошла, мина разорвалась в центре переправы. По радию докладываю об этом командиру второго батальона, тот - командиру полка.

Прозвучала команда на отход за канал.

Левее, метрах в пятидесяти, развалины крепости. Разбросанные взрывами бревна. Выхожу на связь с командиром полка, предлагаю в том районе наладить другую переправу. В целом принимается. В 15.00. пехота, под нашим прикрытием начинает работу.

Потемну начинаем сниматься. Прикрываю левый фланг. Пулемет на моем танке разорвало. Не выдержал накала. Забираю пулемет с 410-го. Он в резерве.

Слышу шум двигателя, высовываюсь из люка, вижу. Как перед моим танком, в сторону пристрелянной переправы пронеслась МТЛБ. Иду накрытие этих сумасшедших. Проскочили. Мины легли позже.

Пехота отходит, я - последний. Прошли через канал.

Встретил Рената. С Барсиком всё нормально, кость не задета.

- Командира, говорит, успокойте. Привет ему обязательно передайте, и извинитесь за то, что оставил их, - сказал Ренат.

Он же сообщил, что вторая рота разведбата вся в реанимации, комбат разведбата тоже в реанимации.

У Давитадзе вроде всё нормально.

Пьем чай, и отдыхать.

Сыро. Холодно. Пехота окапывается.

Ренат с фельдшером Женькой спят с нами на трансмиссии.

22.12.86г.

Проснувшись утром, Ренат стал ругаться:

- Старый дурак! Все время на операциях спал на сырой земле, ютился на снаряжных ящиках! Где сидя, где стоя! Бестолковый зубник! Такого тупого, как я даже стоматологом назвать нельзя!

- Ты чего разорался с утра? Пошли завтракать, - приглашаю к столу проснувшихся медиков.

- Ты погляди, Женька, как империалисты живут на войне! Теплая... Как, Серега? Трасписсия?

- Трансмиссия.

- Во, во! Трансмиссия! Обязательно это слово запомнить надо. Приду в полк всем расскажу, как танкисты научили на трансмиссии спать. Я с бабой дома так не высыпался! Всё, теперь ни под каким предлогом от танкистов на ночь не уйду! Хоть пусть стреляют. А то ишь, капиталисты проклятые! Сами полируют свою трансмиссию! Я правильно сказал - трансмиссию?

- Да правильно, Ренат, правильно. Давай к столу.

Плотно позавтракав, Ренат с Женькой, не без сожаления, покидают наше "расположение", и идут к управлению роты. Их место - с пехотой.

Танкисты же, после завтрака, продолжили оборудовать позицию. 410-й танк начальник штаба забрал к себе на двадцать восьмую заставу. Командиром танка я посадил Додонова Гену. На пятнадцатом остались втроем. Я, Слава Рычков, и заряжающим Леня Тройченков.

Воюем уже десять суток. Кончилось курево. Осталось пять снарядов. Если бы не экономил, совсем пустой бы остался. А еще впереди неизвестно что. Стратеги!...

День прошел спокойно.

Спать лег поздно. Долго сидел у костра. Думал думы, размышлял размышлизмы...

Только заснул, разбудили. Ехать на двадцать восьмую за снарядами. Разжились десятком. Итого пятнадцать. Не густо.

Поговорили с начальником штаба. Александр Иванович сообщил, что за пропажу оружия и боеприпасов с моей заставы меня ждет суд чести, а его снимают с должности. Сказал я ему тогда, правда: "Ху...ня это всё, Иваныч. Поехал я спать".

На место пришли поздно.

23.12.86г.

9.30. на левом фланге воюет 180-й полк.

Передали, что сегодня выходим.

Весь день воевали. Духи обстреливали двадцать восьмую. Как только выхожу на запасную огневую позицию, духи замолкают, снимаются, обходят нас слева, и через какое-то время начинается стрельба на стыке 180-го и 682-го полков. Стягиваем броню в тот район, снова обстрел двадцать восьмой.

Обнаружили и уничтожили ДЗОТ.

Летом, во время операции в Карабагской зеленке наткнулись мы на вход в систему кяризов, куда можно на вьючных запросто входить. Вот и здесь такой же выявили. Духи поставили там безоткатку и обстреливают заставу.

Пришлось потратить туда два снаряда. Кажется завалили.

Никуда мы сегодня не пошли, остались на ночь.

Пришли Ренат с фельдшером.

- Ну что, Серега, как говоришь называется твое лежбище, транс... как?

- Трансмиссия. Следующий раз неправильно скажешь, не пушу.

Ренат крепко запомнил это слово. Впоследствии, даже под легким хмельком чётко его выговаривал.

24.12.86г.

Утром вышли из "зеленки". 446-й и 415-й танки выходили последними. 22-го декабря 410-й танк утащили на десятую заставу - заклинили оба ПМП.

Командир полка, как вышли из "зеленки", подозвал Федорашко: "Храбрые вы парни, молодцы. Взводному своему спасибо от меня передай. Хорошо воюет, чертяка. Умница. Все отлично, мужики, спасибо". Передавая мне слова Петрова, Александр Иванович добавил что, дескать, командир полка посетовал на отсутствие должного порядка на моей заставе, но это он специально мне от себя брякнул. Не мог Петров после таких напряженных боев о чистеньких заставах говорить. Задачи выполнены, потери минимальные при такой плотности огня и такой бестолковой тактике, а это главное. Так что, Саша Иванович, это ты мне зря сказал. Да и не до того мне сейчас.

После выхода из "зеленки", участников операции комдив приказал построить на плацу перед штабом дивизии. Мы поставили свои танки перед КПП, и собрались уже идти на построение, но вернулся Федорашко и передал слова комдива: "Танкисты Рухинского полка свободны. Молодцы, больше добавить ничего не могу. Наградные завтра же представить мне на стол. От меня лично всем спасибо. Молодцы". Федорашко на седьмом небе.

На заставе меня ждут письма. Много писем! Радио. Тепло. Девчонок бы своих повидать...

На десятой баня. Водки нет. "Хренарий", как сказал бы отец.

25.12.86г.

Возил в Баграм Рычкова, Антоня, Саргсяна. В прокуратуру по поводу пропавших автоматов - как "свидетелей". По пути назад подвезли зампотеха второго батальона с бойцом. Сбежали из медсанбата. Озорники.

26.12.86г.

Снова в Баграм. Потом посидели с Юркой Переверзевым у Белкина, потом поехали на десятую "А". Хлебосольству пехоты не было предела, поэтому - как я попал в саперный полк, не помню. По связи передали, что поеду в Хайратон сдавать танки в капремонт, но получить эту информацию я уже не мог.

27.12.86г.

С утра оформлял документы. Колонна с танками ушла. Добрался на попутках до 177-го полка. Колонны нет. Догнал за Джабалями.

Угрюмое мрачное ущелье. Груды техники, перевернутый недавно наливник. Справа скала, слева обрыв. Скалы. Снег. Галереи, туннель. Перевал Саланг.

16.22 туннель. 16.46, перелом высоты - самая высокая точка. 16.50, вышли из туннеля. Стемнело. На северных склонах редкие кусты стланника, можжевельника. Дорога более извилиста и более полого. Ночевали на первой по северную сторону Саланга заставе. Постройки каменные - кишлак горный. Меня любезно пригласил к себе старший лейтенант из "комендачей" по имени Сергей. Бойцам крутили фильм, посмотрели немного, потом посидели у него в комнате. Я на правах гостя выставил килограмм водки. Хороший, спокойный вечер. Я ни за что не отвечаю. Хорошо.

28.12.86г.

"Вдоль дороги груды техники. Здесь тоже бьют. Тридцать наливников вряд, свежиеobeliski. Красные скалы, зеленые скалы, песчанник, пещеры.

Пули-Хумри. Комендант. Разведчики. Проставился. Заснул рано, сразу, как прилег".

Да... Пули-Хумри.

Оставил пацанов на технике, сам пошел искать, где бы можно привести себя в порядок. Гарнизон большой, значит должна быть большая баня. В спортивную сумку положил килограмм водки, туалетные принадлежности, лифчик, взял автомат. Иду по центральной дороге. Курю. Навстречу идет подполковник. Новенькая, заботливо отглаженная эксперименталка с белоснежным подворотничком, очки в роговой оправе. Я взял правее, спрятал в кулак сигарету.

- Товарищ военный! - Чувствую мне. Больше некому. Останавливаюсь:

- Старший лейтенант Погодаев. Слушаю Вас, товарищ подполковник.

- Почему без знаков различия?

- Да у нас в Рухе как-то не принято на выходе звездочками сверкать. У кого их больше, того быстрее снимают.

- А почему Вы мне честь не отдали?

- Извините, товарищ подполковник, но у нас в Рухе не принято козырять - снайпера, знаете-ли. К тому же я с оружием.

- Кстати, а почему Вы с оружием?

Своим вопросом подполковник поставил меня в тупик:

- В каком смысле, простите?

- Я Вас спрашиваю - почему внутри гарнизона Вы ходите с оружием?

- Товарищ подполковник, простите, но мне не до Вас. Ради Бога, извините.

Я пошел дальше. Слышу сзади:

- Патруль! Ко мне! Взять его!

Спокойно продолжаю движение. Меня догоняет старлей с двумя бойцами. У всех повязки "Патруль". Переминаясь с ноги на ногу, старлей смущенно просит:

- Слышь, браток, подойди ты к этому козлу. Совсем задрал.

- Кто это, и чего ему надо?

- Новый комендант гарнизона. Третий день как из Союза. Подойди к нему.

- Ну добро. Пошли.

Подходим к подполковнику. Довольный своей властью он изрекает:

- Я вам рекомендую оставить автомат в комендатуре. При выходе из гарнизона заберете. Заодно запишитесь у дежурного - куда и с какой целью Вы следуете.

В комендатуру я прошел. Там подполковник спровоцировал скандал, я достал из спортивной сумки эфку, вырвал чеку, обозвал всех сраными обозниками, чего-то там кричал. Закончилось все достаточно буднично. Автомат я оставил в комендатуре, подполковник извинился, показал дорогу в баню, и с этим я покинул гостеприимные стены гарнизонной комендатуры.

После помывки в бане я сел в уютной, занавешенной масксетью, курилке. Пора подумать о ночлеге. У проходящего бойца узнаю, что танкисты стоят далеко. Спрашиваю про разведчиков. Говорит - это в полку. Иду по дороге до XXVII съезда (кто был, тот знает), направо, а там и до полка недалеко.

В расположении полка вижу вывеску: "Кафе Катюша". Во, бля! Ну-ка гляну, может мороженое есть? Закрыто на спецобслуживание. Свадьба. Обалдеть! Действительно Союз!

Нахожу место обитания офицеров разведроты, захожу в комнату. Четыре кровати. Двое мужиков в тельниках играют в шахматы, один лежит на кровати. Читает книгу.

- Здравствуйте. Прибыл из Баграма. Имею килограмм водки. Перекантоваться у вас до утра можно?

- Заходи. Вон койка свободная - человек в отпуске. Располагайся.

Водку, что я принес, мужики не взяли. Дескать, тебе она еще пригодится. Когда танки сдавать будешь.

Самое теплое воспоминание о Хумрях - прием разведчиков. Спасибо, мужики. Надеюсь, все благополучно вышли в Союз.

29.12.86г.

"По песчаным холмам. Извилистая дорога. Маленький перевал. Техника... Песок. Комендачи, трубачи. Остановился у танкистов слева от дороги. Посидели, поговорили. По эту сторону Саланга совсем другие люди. Не понравилось всё".

Может и убрать надо было, но не стал. Документ все-таки. Для меня во всяком случае. Пусть парни с севера простят мне мои мысли 29.12.1986г.

30.12.86г.

Дорога идет ровно. Иногда то слева, то справа встают отвесные скалы. Порой они так зажимают дорогу, что сверху нависают многотонные глыбы горной породы. Архитектура редко встречающихся кишлаков совершенно отличается от привычной - построек центральной части Афганистана. На севере страны проживают в основном таджики, узбеки, туркмены, отсюда и характер построек. Постройки напоминают яранги народов севера, соединенные между собой.

После обеда прибыли в Хайратон. Перекусили, устроились в расположении батальона охраны - 3-го МСБ, видимо одного из полка 201-й Кундузской дивизии. Встретил парня с Приморья - земляк. Старший лейтенант Игорь Борисов из Дальнереченска. У него и остановился.

В тяжбате нашел солдата-комсомольчанина. У Володи Чернакова проблемы с командирами. Поговорил с его ротным. Тот пообещал помочь с воспитанием парня. Мог засранец и в тюрьму угодить - топливо продавал. С ротным сходили к начальнику штаба. Обещали дело в прокуратуру не передавать.

Вечером, возвращаясь в батальон охраны, потерял сознание. Резко помутнело, повело, враз "выключился", хлопнулся о землю, сразу пришел в себя. Присел на насыпь, оклемался немного. Осмотрелся, вроде никто не видел. Скажут еще - пьяный. Потихоньку добрался до офицерского общежития и сразу лег спать.

31.12.86г.

Сегодня удачно крутанулся - танки сдал на СППМ. Осталось разобраться с документацией, но это уже детали. Перед сдачей танков меня пугали - дескать, приемщики будут описывать каждый болт, за недостающие запчасти вычтут с зарплаты, согласно составленному акту. Говорили, что у командира взвода из 181-го полка содрали деньги за недостающие фальшборта. А у наших машин и подкрылки-то не все. Вроде обошлось.

Мой 415-й ушел в капиталку своим ходом. Не думаю, что в Афгане был еще один такой танк. Пять подрывов, семь гранат, из боев практически не выходил. Самый родной мне танк - не раз спасал мне жизнь. Многие люди обязаны жизнью этому танку. Я бы его как памятник поставил на высоком берегу Амура. Триплекс от командирского люка, в котором застряла пуля душманского снайпера, я снял. (Сегодня триплекс лежит в моей квартире на видном месте.) Славка Рычков открутил несколько болтов от крышки трансмиссии - эти болты будут на новой командирской машине. Такая традиция у танкистов есть - на счастье.

Попрощались с машинами, пошли мыться в бане. Новый год все-таки. После бани уединился на берегу Аму-Дарьи. Тишина. Река чуть шире нашей Силинки. На фарватере стоит пограничный "Аист". Парни загорают, выставив солнцу свои спины. Во служба!

Смотрю на противоположный берег, мысленно беседую со своими девочками. Берег пологий. Слева мост, справа от моста на левом берегу - ЛЭП, уходящая вглубь Советской территории, пограничная вышка, погранзастава. Там, в тепле и уюте живут офицерские семьи, бегают дети, женщины развешивают свежевывстиранное белье. Испытал тихую радость за этих людей - семьями живут. Пожелал им в душе мира. Тоже видимо спокойствие их службы шаткое - граница, а что это такое, я знаю. Дай им Бог всем живыми остаться.

Первый бокал за Новый год подняли с Игорем в 18.30 - вместе со своими семьями. Разница во времени - пять с половиной часов. В Комсомольске-на-Амуре и в Дальнереченске - полночь.

Глядя на фотографии своих жен и детей, пожелали им мира, дождаться нас живыми и здоровыми.

Новый год в Хайратоне встречали пышно, с Новогодним карнавалом. Меня разобрал такой же псих, как в Пули-Хумри у кафе "Катюша". Пижоны обозные! Ушел спать, предварительно набравшись, как прачка. Оно и понятно - Новый год отмечали со всеми часовыми поясами Советского Союза.

(Снова приношу свои извинения "северянам")

1.01.87 г.

1986 год - история! Что принесет Новый 1987? Мира бы! Любви и счастья! Да, за это видимо еще придется повоевать.

2.01.87г. 13-15.

На берегу Аму-Дарьи. До Союза 500 метров. Разглядываю противоположный берег, погранзаставу. Хоть может быть и тревожно им работать на границе, но земля там наша. Повезло парням.

Дома сейчас 18.45. Настена сейчас дома с мамой, а может еще гуляют. Впрочем дома сейчас очень холодно.

Аму-Дарья. Там мир, здесь война. В Союз, прямо надо мной летят птицы. Над рекой, над КСП, над погранзаставой. Я человек, но я буду там. Обязательно буду! На том берегу. Аму-Дарья...

3.01.87г.

"У мамы день рождения. Написал письмо. Оформлял документы на сдачу танков. По телевидению говорили о "национальном примирении" в ДРА, которое начнется с 15 января и продлится полгода, о возможности ОКСВА вернуться на Родину. Значит всё это правда. Поскорее бы".

4.01.87г.

"Писал акты, сидел на берегу Аму-Дарьи. Со мной приехал парень из 180-го полка. Сегодня он приходил в батальон охраны (где я остановился), сообщил что в Чарикарской зеленке ранен в живот командир того батальона, откуда пришел Сашка Летнев. Среди офицеров главная обсуждаемая проблема - вывод войск, "будет - не будет". Обсуждаются даже сроки - от мая до декабря. Все понимают - дальше все это продолжаться не должно. Все равно когда, но, на мой взгляд, надо выходить. Наше присутствие здесь сделало свое дело - люди научились думать. От войны устали все.

...Моховая падь, наш маленький домик, Шерловая, Настена, наш дом, Богдановка, наша первая двухкомнатная квартира в закрытом городке... Что дальше?"

6.01.87г.

"Вчера сдал все документы, опечатал танки. Все! Танки сдал. Можно ехать назад. Завтра колонны нет. Только послезавтра.

Очень кстати в руки попала любопытная книга Ефима Гольбаха - "Войны разрозненные строки". Есть чем заняться. За это время лицо войны несколько не изменилось".

8.01.87г.

"Хайратон. Опоздали на колонну. У бойцов пропали куртки от комбезов. Старшины нет. Разобраться не с кем. Придется еще задержаться. Вчера офицеры справляли день рождения Тимура. Столько комплиментов в мой адрес, как будто именинник я. Приятно, конечно. Сидел до конца. Пели. Ребята с 9-й роты - Миша, Василий (ДВОКУ заканчивал - земляк). Все же надо на заставу. Как там без меня, что там твориться? Дома сейчас 15.44...

Спал. Хороший парень из Горького - прапорщик Володя Егоров".

10.01.87г.

"Хайратон. Когда же мы отсюда вырвемся? Вчера были у Сашки с Лилей на базе".
Уже и ребят этих не помню, но уж коли упоминаю о них, значит неплохо меня там привечали.
Моя благодарность им за это.

11.01.87г. Воскресенье.

"Кундуз. Вчера на вертушках из Хайратона".

Разговорились с техником вертушки на которой летели. Он меня предложил у него остановиться. Дескать, сосед по комнате в отпуске, а когда оказия до Баграма подвернется, кто знает. При всём многообразии выбора, другой альтернативы у меня не было. Я согласился.

Когда пошли на ужин, мой новый товарищ спросил, в какой столовой я предпочитаю питаться - в летной, или у техников. Я ответил, что уж коли мы вместе, то и пищу принимать предпочитаю там, где это делает мой новый товарищ.

Не знаю, как где это всё происходит, а в Кундузе был несколько ошарашен отношениями летно-технического состава. Солдат в летном полку - только обслуга. Караулы, работа на складах, прочие поддерживающие мероприятия. Оказывается, лётный состав - это лётный состав, то есть элита. Ну а технический состав, это так, придаток - "мазута".

Сутки побыл в летной части, и для меня осталось загадкой - а как эти люди в одном экипаже работают? Это вертолетный полк. А в штурмовой, в истребительной авиации как? До того, как я это всё увидел, мне казалось, что у лётчиков отношения такие же, как в классическом фильме Леонида Быкова "В бой идут одни старики". Наивный "чукотский мальчик".

"Ждем борт на Кабул. В самолете прихватило. Валидол. Кислород. Устал. Отдохнем ночь на пересылке - дорогу все равно уже закрыли. До Теплого стана не добраться, да и опасно уже.

В Кундузе разбили колонну. Странно - и там война, а говорят "если хочешь жить как туз, поезжай служить в Кундуз". С нами летел раненый лейтенант-артиллерист. Зовут Игорь. Все лицо забинтовано. Граната. Двое раненых, один убитый".

Дома - 22.05.

12.01.87г.

"Пешком до ДП (8км). На одиннадцатую заставу прибыли в 11.30. Когда уезжал, Костя сказал, что мне пришел орден и до Нового года я его получу, но вот приехал и никто об этом ничего не знает. Поздравляю вас, старлей! Федорашко еще не уехал. Белкин в Джабалах, вместо него другой. От Маришки семь писем. Буду отвечать и писать на парней наградные за операцию. Слухи - нас выводят последними в 88-ом году. Ничего удивительного".

14.01.87г.

"День рождения моей любимой. Получил хорошее письмо. Спасибо, девочка. Счастья тебе. Дождись и все будет хорошо. Вчера (в ночь с 12-го на 13-ое) сидел в засаде с разведзводом. У них новый взводный - старший лейтенант Маслов Валерий. Пришел вместо погибшего Володи Исмаилова. У трубачей тоже новый командир, у нас новый замполит - старший лейтенант 1984 года выпуска.

Вчера вызывали в прокуратуру - давал показания дознавателю по делу с автоматами. Остался ночевать в разведбате. Отар упорно хочет забрать меня к себе. Я дал согласие. Сегодня приехал на 121-ю СТЗ. Вчера около 17.00. духи в упор расстреляли наш КАМАЗ. Ранен водитель Данилов, старший машины - прапорщик Шишкан посечен осколками. Два земляка - молдоване. Отличные парни. Хорошо что хоть прорвались. Молодцы!

В Кабуле среди бела дня духи расстреляли двоих офицеров. Выстрелов никто не слышал - оба просто упали пробитые пулями. В Гульбахоре сдалась банда - 200 штыков. Завтра на дороге между шестой и седьмой ожидают обстрел. На дорогу выйдут около 200 духов. Мне завтра ехать в Баграм за хлебом. Взял водку, но ребята пить не стали - друг друга бояться. Время покажет кто есть кто. Женю Калина отправили в Кабул отремонтировать 412-й. Утром в Баграме сбили вертушку. С завтрашнего дня вступает в силу "национальное примерение", а у нас на дороге все пока по-старому, задачи те же.

Дома уже 2 часа ночи. Добрых вам снов, мои родные".

15.01.87г.

Это называется "национальным примирением"! 20.00. Влетели трубачи - пробита труба. Выезжаю с ними на 400-ом. Проходим Лагмани. Справа, метров с двадцати, из-за вала вылетает граната, за ней - вторая. Первая, с диким ревом, прошла между мной и люком, хищно шаркнув

своим огненным хвостом по моей груди, оставив свой след на моих бровях и ресницах. Вторая своим стабилизатором хлестанула меня по спине и ушла в "зеленку" за первой вслед. В то же мгновение из раструба третьего гранатомета ухнула еще одна и прошла над животами расположившихся на трансмиссии трубачей. Все произошло мгновенно, и только после третьего выстрела из гранатомета из меня вырвался хрип: "Пушку вправо, огонь!". Во время моей команды, успев вставить очередную гранату в раструб, выстрелил тот, что стрелял первым. Четвертая граната прошла между люками моего танка, потому как он уже прошел некоторое расстояние. Пока наводчик разворачивал башню, по танку было еще два пуска, но теперь гранаты ушли вверх. Все это сопровождалось диким шквалом автоматного огня с обеих сторон. Духи пытались огнем мести с танка людей, а трубачи со мной вместе не давали вести им прицельную стрельбу, заставляя "правоверных" утыкаться мордами в стылую землю, оберегая свои головы от пуль наших автоматов. Выстрел из танкового орудия восстановил статус-кво. Первый выстрел, как и обучались наводчики орудий, был произведен "лишь бы в ту сторону", второй и последующие снаряды уже уходили по назначению, в соответствии с моими целеуказаниями.

Вызываю "Пурпур" (КП нашего батальона): "Обстрел бронегруппы". Эфир забит - в Джабалах воюет 177-й полк. Над Джабалами зарево - там горят наливники, расположившиеся на ночь в "отстойнике". В районе Баграма, судя по звукам эфира, тоже идет бой. Звездное небо то и дело озаряется сполохами далеких разрывов, пунктиры трассирующих пуль разбегаются по небосклону как в Новогоднюю ночь.

Ощущаю весомое подрагивание сорокотонной громадины после каждого выстрела танкового орудия и на душе оседает тяжелое спокойствие - "снова выжили".

Над Джабалами далеко ввысь уходят протуберанцы взрывающихся наливников. Огненные шары плавно надуваясь медленно вращаются, местами чернеют, и вдруг из своего нутра вновь выбрасывают наружу ярко-жёлтые языки пламени... Через какое-то время доносится грохот взрыва... Там жарко...

На озаренной огнем дороге вижу идущий к нам 415-й танк. Машина идет с гордо задранной вверх пушкой. У меня все перехватило внутри - сожгут ведь! Ору в эфир:

- 415, стой! Пушку вправо, огонь!

От резкого торможения танк клюнул пушкой. Остановился. Что дальше? Да ничего! Стоит!

- Пятнадцатый, пушку вправо! Огонь!

Все также задранное вверх, орудие, судорожно дергаясь, начинает поворачиваться вправо. Кажется, я сейчас сам взорвусь:

- Пятнадцатый, пушку вниз! Что там за олух на месте наводчика!?

- лейтенант Калинин, - голосом наводчика орудия Гены Додонова отвечает эфир.

Засорять эфир всякой ерундой во время боя - это идиотизм, последствием которого может стать чья-либо смерть, поэтому приходится не только обороняться самому, но и исправлять ошибки человека, случайно надевшего офицерские погоны.

- 415-й, командиру принять на себя управление экипажем. Работать целеуказанием. Как понял?

- Понял 415-й.

С этого момента все пошло как по маслу. Взаимодействие с 415-м танком было налажено. Теперь участок "зеленки", из которого духи вели обстрел нашей машины, был под перекрестным огнем. Не думаю, что кому-то удалось уйти, если духи уже не ушли кяризами.

После обработки местности мы двинулись в сторону Чарикара искать пробой на трубопроводе. Обнаружив его, трубачи под прикрытием двух танков заменили поврежденную трубу. После этого мы вошли в Чарикар.

На центральной площади города я остановил колонну и вышел из машины, вызвав командира 415-го. Ко мне бежал Додонов.

- В чем дело, Геннадий?

- Товарищ старший лейтенант, лейтенант Калинин сразу занял мое место. Времени на обсуждение его действий у меня не было. Мы слышали выстрелы из гранатомета.

- Хорошо, иди на свое место. В случае обстрела берешь управление экипажем на себя. Мои команды выполнять безоговорочно. Вопросы?

- Никак нет.

- Вперед!

Около 415-го танка топтался Женя Калинин. Тогда я не сказал ему ни слова. Подобный случай был далеко не первым.

Однажды, во время ночного обстрела танк под его управлением чуть не уехал к духам в "зеленку". Тогда Александр Иванович Федорашко - наш начальник штаба все-таки не удержался и съездил нерадивому офицеру по физиономии, о чем долго переживал и не любил вспоминать тот случай.

По возвращении на заставу мы встретили колонну Баграмского разведбата, которая спешила на помощь в Джабаль-Уссарадж. Солдаты и офицеры встретившихся колонн приветствовали друг друга поднятыми вверх автоматами, желая удачи боевым друзьям.

16.01.1987г.

"В Чарикарской зеленке, на 28й стз погиб Серега Яковлев, ранено два солдата. В Джабальях ночью погиб офицер, 13 тяжелораненых. Утром рядом с заставой стоит БМП. Юрка Петров со своими разведчиками. В Чайкале БМП врезалась в крепость, трех разведчиков завалило, их отправили в медсанбат, а Юрка с тремя бойцами остался рядом с моей заставой на ночь. На десятой заставе умер солдат. Говорят просто шел и умер. Бывает и такое. Было партсобрание. Приняли в партию. На обсуждении отметили как главный недостаток - "горяч в бою". Впереди партком. В Баграме хоть отдохну чуток - водки с парнями поью, выплюсь. Вечером проводили общее собрание, которое вчера духи сорвали. Снова "труба зовет!". Кто? Ну а кто еще кроме Погодаева? Впереди БТР, я на 415-ом. Снова диверсия, но стрелять я им уже не дал - пусть кто хочет, тот и "примеряется". Все. Спать".

17.01.87г.

"Весь день на заставе. Навожу порядок на свой лад. Завтра ожидается приезд какого-то генерала. Написал наградные. Рычкову, Додонову, Толстому на "Красную Звезду", Батырову - "За Отвагу", Тройченкову - "За Боевые Заслуги". Калина отправил за продуктами, Заменяли движок. С 26-й Филимонов прислал бачу за краской. Сообщили что Юрку Переверзева сняли с роты за потери. На 28, 29, 30 заставах пятнадцать раненых. Выставили заставы на растерзание. Сашка Летнев в Рухе, я за ротного. 415-й ушел на выносную заводить 418-й, порвали трос. Доложили - за Ходжа-Сарьяни-Суфла обстреляна бурбухайка. На 410-ом выхожу на трассу. Пришлось немного поработать. Завожу 418-й, идем по маршруту. Завтра вызывают в Руху на партком".

18.01.87г.

"Утром в Баграм. Вылет вертушек задержали до 16.00. Добрался до разведбата, до обеда отоспался - хорошо. К 16.00 прибыл на взлётку, вертушек нет, будут только завтра. Еду к Юрке Коваленко на противотанковую батарею.

Вчера получил письмо от родственницы Володи Исмаилова. Писать ответ тяжело, но надо. Ответил.

Дома 4.22., 19 января 1987 года. Спите спокойно, мои хорошие, и пусть вам снятся цветы".

На конверте адрес: Полевая почта 86997 "К". Командиру взвода.

Письмо передали мне.

"9.01.87г. Здравствуйте уважаемые сослуживцы в/ч 86997!

В которой прослужил с 23 ноября 1985 года по 13 декабря 1986 года наш сын и племянник Исмаилов Вл. Маг. Это обращается к Вам очевидцам Володина тетка - т.Валя. Дорогие мои ребята. Прошу точно опишите момент боя, название города и посёлка. В общем кто видел как погиб Володя, напишите, и свои фамилии поставьте разборчиво. Так как я эти бумаги буду беречь для Володиных детей.

Сейчас Денису 3 года, а Алёше - 1 год. Они вырастут и прочитают о своем папе. Какой он у них был. Каждый оставьте свои адреса. Как только вернетесь в Россию! Пожалуйста, посетите Володиных родителей! Они очень скорбят о своем сыне. Мы же его ждали в отпуск. Денис ждал - папа приедет и будем елку наряжать, а папу привезли в гробу. Денису ничего не сказали. Не стали травмировать маленькую душу, и гроб не показали.

Пишу для Вас всех, кто остался в живых адрес Володиных родителей.

Приезжайте, ждем в гости. Напишите что-нибудь им. Они так плачут оба, что у них бывают сердечные приступы.

Мотина Валентина Леонидовна".

19.01.87г.

"Руха. Жду партком. Дома 20.51. Ночью духи ходили в атаку на 11 стз., в Кабуле сбили три вертушки и три в Гардезе. В Кабуле убито 12 офицеров. Стреляют из-под паранжи. На 28-й снова раненый. Говорят безнадежен. Примирение".

Партком завтра. Поселился в полковом медпункте. На операции познакомился с Ренатом - полковым стоматологом, вот он и приютил. Мужики нормальные, приняли хорошо. Медпункт полка напоминает заставу, с той лишь разницей, что здесь одни офицеры-медики. Спокойно - можно расслабиться. Ни за кого не отвечаешь.

Как же это всё-таки здорово, когда ты отвечаешь только за самого себя! Только в такие редкие минуты ты способен понять, какая ответственность за своих солдат лежит на тебе! И насколько тяжёл груз этой ответственности.

Пьём брагульку, "разговоры разговариваем", слушаем магнитофон. Из динамиков магнитофона рубит свои стихи Володя Татарский - заменщик Юрки Переверзева:

"...Лучше горькая правда, чем сладкая ложь,
лучше тяжесть в груди, чем смехок за спиной,
лучше пуля навывлет, чем кухонный нож.

В этом я без сомненья согласен с тобой.

С этим жил невпопад я недолгий свой век,
мне хоть счастья на грош по сравнению с печалью,
я хотел чтобы выжил во мне человек,
несмотря ни на что, не считаясь с отчаяньем.

Не считаясь с обидой и болью в душе, не считаясь с потерей домашнего счастья, потому что по мне лучше рай в шалаше, чем дворец дорогой без любви и без страсти.

Лучше быстро сгореть, чем дымить целый век,
закрывая глаза и спасаясь от гибели.

Коль померкнет во мне этот яростный свет,
я уйду навсегда, чтоб другие не видели".

Эта магнитофонная запись до сих пор хранится в моем архиве. А сделана она 15 января - в день "национального примирения", во время обстрела Рухи. Парни включили магнитофон на запись в то время, когда Михаил Лещинский - корреспондент центрального телевидения, вещал с экрана о том, что "этот день навсегда останется в памяти советского и афганского народа, как первый день мира". Его речь слышна на фоне разрывающихся эРэСов, сквозь автоматные и пулеметные очереди. В медпункте в это время принимали раненых...

20.01.87г.

"Руха. Два раза был обстрел из миномета. Просидели у медиков. Никуда не пошли. Партком сорвался. Теперь завтра. Читаю, ем, сплю. Во время обстрела забежал офицер - комиссованный старлей из разведроты, посоветовал идти в укрытие. Когда я рассмеялся и спросил его - неужели он в самом деле думает, что мы куда-то отсюда пойдём, тот ответил, что сам видит - никто никуда не пойдёт и именно поэтому он посидит с нами. Конечно, крыша тонкая, но и выбегая можно получить "подарок". А так стенами от осколков надежно защищены. Главное к окнам не подходить.

Заскакивал Переверзев. Хлопнули брагульки, запили водкой. Балдеж. Надолго-ли. Дома 23.25. Наверное уже спят.

За день один раненый".

21.01.87г.

"Дома 15.25. Жду партком. Сегодня в 12.00".

22.01.87г.

"Руха. Партком перенесли на сегодня. Вертушек нет. Над Гулям-Али сбили сушку. Баграм закрыт. Дома 19.26. Был на парткоме. Утвердили. Хохма.

Со сбитого самолета летчик попал к духам. Пока ищут. 23.24. Не спится. Вспоминали боевых товарищей. У пехотного ротного день рождения. Водки не нашли. Слушаю песни Володи Татарского. Песни хорошие, а вот каков ты парень в бою покажет время. Тельняшки на себе рвать все мастера. Дома 4.56. Девочки мои спят. Мирного вам неба".

24.01.87г. Суббота.

"День нашей связи. Во сне снова вместе. Вчера наши ходили на 28, 29, 30 заставы. До 29, 30 так и не дошли. Трое раненых. Ротные разъехались по местам, приехал НШ. Пришла колонна. Сегодня решал тактическую задачу. Дома 3.57. Там уже 25-е. Когда все это кончится.

КП: "Тогда я посылая вас на смерть..."... Эту фразу Николай Васильевич Петров сказал мне после парткома, напоминая один из эпизодов операции в Чарикарской зеленке. Не понял я его тогда. Наверное, обращаясь ко мне, он говорил о других..."

26.01.87г.

"Рука. Пишу, пишу и пишу документацию. Вчера делал то же самое. Федорашко от себя не отпускает. "Пока не сдадим всю документацию, никуда не уедем. Тебе-то чего - пиши и пиши". Дома 20.57. Чем занимаетесь?"

27.01.87г.

"Вчера офицеры полкового медпункта отмечали день рождения своего офицера - Валерия. Меня назначили почетным гостем. Посидели. Был Борода. Проводил пьяных мужиков, проветрился сам. Стук в дверь. Входят два бойца медпункта (из тех, которые не ходят на "боевые"). Вальжжные пижоны. Приходили, якобы, "поговорить за жизнь". После армии хотят ехать на север "за длинным рублем". Боевики, нечего сказать. Эти будут долго бить себя в грудь, плача в пьяном угаре и растирая сопли по щекам. Там, в Союзе никто не сможет понять где настоящие бойцы, а где пижоны, прятавшиеся по щелям во время боев и обстрелов. Просто потому, что и те и другие будут вести себя порой одинаково. Тогда этих парней я просто вышвырнул за дверь - опротивели. Медики снисходительно промолчали.

Перечитал "Бахчисарайский фонтан".

Федорашко в отпуск не отпускают. Уже 16 месяцев НШ в Афгане.

Вчера с "зуба" спустили раненого. Паренек прострелил себе "случайно" палец. Теперь по ранению будет ждать орден "Красной звезды". Просто сволочь. Ни больше, ни меньше.

Утром снова обстрел полка эРэСсами. Снова писанина, потом читал Пушкина - "Полтава", "Домик в Коломне".

Дома уже 3.32.

"...Одно сокровище, святыня,

Одна любовь души моей".

А.С.Пушкин (Полтава. Посвящение.)"

29.01.87г.

"Рука. Вчера всю ночь писал тетради. После обеда сегодня с Дроздовым Виктором ходили на Панджшер на рыбалку. поймал одну рыбку. Называется маринка. Дроздов сибиряк - алтайский. Написал два письма - женошке и брату. Теперь спать. Уже 30.01.87г. 2 часа".

Что Витя без царя в голове, что я балбес. Это же надо было додуматься! Через посты боевого охранения спуститься к речке! Рыбки половить захотелось!

30.01.87г.

"Ночью в 3.30 подняли делать карту. С 9.00 до обеда спал. На 28-й четверо раненых. Ранения осколочные. Юрке Переверзеву, Коле Моторину, Бабенко Володе, Игорю Изерскому пришли награды. Переверзеву - орден "Красной Звезды", остальным - медали "За Отвагу". Приятно за мужиков. Мои засранцы влипли с продажей топлива. Приеду разберусь. Сами себе награды зарезали, балбесы. 0.40. 31.01.87г. Последний день января. Спать".

31.01.87г.

"Перевал закрыт. Вертушек нет. Ночь. Уже первое февраля. "Молодая гвардия" ? 9 за 1986г. "Женька", Аркадий Пинчук".

1.02.87г.

"На вертушки не посадили. Брага. Баня. Дома 7.00. Пошел-ка я спать".

2.02.87г.

"11 стз. Пачка писем. Отвечать некогда. С 18.00 до 6.00. засада. За десятой "А" чуть сами не влипли в засаду. Обстреляны гранатометом".

3.02.87г.

"Баграм. Госпиталь. Пришли два новых танка. Вместо 416-го и 417-го. Семнадцатый будет пятнадцатым! 31.01.87г. погиб Костя Снарский - сапер трубачей Сашки Белкина. По колено в керосине, проверяя трубопровод, Костя нашел свою мину... Целими остались только пятка и шерстяной носок, который связала ему мама перед отправкой в Афган...

Обстрел метров 500 севернее 10-й заставы. Во время боя подорван трубопровод. Горящий керосин залил трансмиссию 416-го танка. Сработала система ППО. Танк из боя не вышел. Обошлось".

4.02.87г.

"Ночью Баграм обстрелян из эРэСсов. Днем заехал в медсанбат проконсультироваться у терапевта - участилось помутнение сознания. Бывает что просто падаю. Правда как о землю ударюсь, сразу все проходит. Не хочется в бою свалиться.

Врач-терапевт, молодой крепкий парняга. "Орденка захотелось?" Плюнул и вышел из кабинета. Парень догнал:

- Ты это... Прости, слышь - всякие ходят. Пойми правильно. Давай вернемся.

Вернулись в кабинет - здоровье дороже".

Впервые добросовестно, самостоятельно пил лекарства. Выдержал полный курс.

6.02.87г.

"20.37. Пришли с двадцать восьмой заставы. Ходили с разведбатом. Ночью снова стоял на дороге в засаде. Хочется раздеться. Сейчас впервые за трое суток лягу в кровать. На двадцать восьмой стояли с Аликом Садыковым. В пяти метрах от нас разорвался снаряд от безоткатки. Все попадали, я пригнулся толи от того, что кругом бойцы попадали, толи от взрыва. Алик вскрикнул, раскинул руки и упал. Кинулся к нему, думал - ранен. Ком от дувала попал ему промеж лопаток.

До вечера, пока не разгрузили колонну, продолжался бой. Выходил последним. Хабаровское время 4.03. 7 февраля. Мои девчата спят. Мне еще надо поработать".

8.02.87г.

"Когда же в конце концов я разденусь и лягу на чистые простыни! Ночь в засаде, днем на выездах. Спать урывками, есть урывками. Сегодня в обед поел суп, обстрел, вернулся с трассы, только взялся за второе, снова обстрел. Надоело. Нервы ни к черту. Обстреляна вторая выносная. Снова выезд. Около десятой заставы подорвалась бурбухайка - одной миной на дороге меньше. Надо танки обслуживать, а времени нет. Солдаты на выносных постах не умываются, едят холодное, спят в броне. Хорошо еще то, что вчера их заменили, да помыли в бане. "Зато потери на трубе уменьшились". Сброд дегенератов! Их бы сволочей загнать в броню, да на пять суток, да воду с холодной жратвой привозить иногда. Из теплой комнаты под кружку горячего чая командовать можно, изредка посещая безопасный сортир. Эдакий маленький вонюченький наполеонишко. Дерьмо.

Ночью ждали караван. Информация - караван на сто двадцать вьючных. Опекать будут крепко. Вяжемся - бой будет крепкий. А пока всё на износ - и люди и техника. Снарядов на заставе уже нет. Дивизионные склады пусты. Что же дальше-то? Кто не выдержит первым - люди или техника? А этот бездарь в академию собирается. Все из людей высосать и на чужих костях с золотыми погонами на белой лошади въехать в академический рай. Въехать, чтобы потом уродовать еще большее количество "личного состава". А что делаю я в такой армии?

"Да - был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?".

10.02.87г. Вторник.

"Сегодня спал на чистых простынях! Вчера ездил за боеприпасами. Снарядов на складе мало. Позавчера ночью опять засада. Женя Калинин в бою бросил солдат. За год Афгана первый бой и бросил. Сволочь.

Был Белкин. Посидели. Видел Отара Давитадзе. Позавчера, оказывается, мы вместе сидели в засаде - в пятистах метрах друг от друга, и ничего не знали. Взаимодействие, бл...дь! Могли ведь и расстрелять друг друга.

Только что при выходе на задачу обстреляны разведчики. Комбат выезд не разрешил. Понятно - своя жопа дороже. Потерь вроде нет. Ночью съезжу к Отару, узнаю все конкретнее. Сегодня

должны были идти прикрывать колонну с боеприпасами на Кабул. Между десятой и девятой духи ограбили бурбухайку. Выезжал вместе с комендачами. Двоих уложил из ДШК. Хорошая машина. Расстояние - километров около трех. Стрелял МДЗ. Хорошо видно, как тело взрывается. Не грабь своих!

Впереди еще ночь. Опять на засаду. 19.40. Будем жить!"

Приехал на склад боеприпасов за снарядами для танков. Предварительно выписал накладную в службе РАВ, всё как положено. Начальник склада - прапорщик, молодой парень. "Нет, говорит, осколочно-фугасных".

Я на него:

- Ты за кого меня держишь? Накладная на руках! У меня танки пустые на дороге. понимаешь? Или в службе РАВ дивизии не знали, что снарядов на складе нет? Короче, пустым я отсюда не уеду. Точка.

- Слышь, ну иди сам смотри. Я тебе что, врать буду?

Идем с ним вместе по территории склада. Прапорщик показывает стеллажи:

- Видишь, ну нет с маркировкой "ОФ". Здесь для пушек третьей батареи, здесь танковые, но "К". Это что за снаряды? Хочешь, бери их.

- Кумулятивные. Только не они мне нужны. Что я буду с ними делать? Эти наверное как НЗ лежат. На всякий случай. А ну-ка. Братишка, стой. Это что за стеллаж?

Мой взгляд наткнулся на ящики с маркировкой "Ш". Внутри меня запрыгали чёртики. Неужели шрапнель?! Стараясь не спугнуть удачу, ворчу на начальника склада:

- Не может на складе не быть танковых снарядов. Не может. Вот наберу у тебя всякой ерунды, и что я потом делать с ней буду? Пустым-то я все равно не могу ехать. Нам на дороге колонны прикрывать, трубу, опять же. Если уж снарядов нормальных нет, так хоть хлопушек временно набрать.

Сам несу эту чушь, и думаю - а как ими стрелять этими шрапнельными снарядами. Я их и видел-то впервые в жизни. В училище только на плакатах. Когда открыл ящик и увидел взрыватель, жутковато стало от одного его вида. Несколько секторов с цифрами, сам вдвое крупнее обычного. Ужас! Как пацанов учить ими стрелять, если сам не знаю. Мысли такие меня обуревают, но знаю точно - больше мне такой возможности не представится. Надо брать. И чем больше, тем лучше.

- Да бери ты всё, что хочешь, - психанул прапорщик, - в накладной записано 115 мм артвыстрел, вот и бери 115 мм артвыстрел. Грузись, и уезжай отсюда.

Тогда мы и загрузили оба "Урала" ящиками со шрапнельными снарядами. По семьдесят восемь ящиков в каждый "Урал". 156 снарядов!

Одну машину разгрузили на пятой "А", вторую - на одиннадцатой.

Впоследствии разобрались и с боеприпасами, и с их применением. Кстати, эффект от их применения превзошел все ожидания, и будет описан ниже.

11.02.87г.

"...- Зачем тебе нужен этот караван!?"

- Какой караван? Друг в засаду попал!

Зачем! Странные люди! Там же парни наши погибают! Геройство? Какое нах... геройство?! А если бы там был кто-то из тех, кто мне сегодня это говорил? По другому бы рассуждали. Ну а если бы не я?

Погиб техник третьей МСР. Женька. Скоты".

Не всё сохранилось в памяти.

14.02.87г.

Вчера был на партийной комиссии в дивизии. Перед тем как заходить на партком, ко мне подошел начальник политотдела:

- Слушай, ты там думай, что говорить, хорошо? Не подведи. А то начнешь там всякую ересь молоть.

Думаю, он это сказал памятуя мою первую встречу с комдивом.

Захожу. Сидят человек десять. Смотрят документы. Какой-то подполковник спрашивает:

- Товарищ старший лейтенант, почему два года вы были кандидатом в члены партии?

- Кандидатом меня приняли еще в Союзе. Из-за отправки в Афган принять в партию в Союзе не успели.

- Понятно. Какие еще вопросы будут, товарищи?

Тут какой-то гладенький лейтенант задает совершенно дурацкий вопрос:

- Скажите, почему вы решили вступить в ряды КПСС?

Не найдя ничего лучшего, я ответил:

- Пять лет без малого, товарищ лейтенант, я команду взводом. Хотелось бы эту высоту ротой взять. - Фраза из анекдота вышла сама собой.

Члены парткомиссии завздохали и стали переглядываться в недоумении. Инициативу взял в свои руки председатель:

- Ну, юмор этого офицера известен всей дивизии. Давайте серьезно. Погодаева мы все знаем как грамотного командира. Не раз на операциях он со своими подчиненными успешно решал боевые задачи, за что представлялся командованием к боевым наградам. Думаю, что такие люди в нашей партии нужны. Другие мнения будут? Предлагаю поставить вопрос на голосование. Кто "за"?

Проголосовали единогласно. После парткомиссии начпо вызвал в свой кабинет, где рассказал мне все, что обо мне думает и кто я такой на самом деле.

После ужина с Сашкой Калугиным пошли пешком к дороге. От Баграма на десятую заставу. Вышли затемно. Вызвал 417-й. Добрались до девятой, оттуда - на пятую "А" за видиком. Всю ночь смотрели видео. (Раздолбоны!)

Сегодня сообщили, что меня планируют отправить в Хайратон сдавать 418-й. Все бы ничего, да вот только письма опять получать не буду.

415-й и 416-й на выносных, на заставе 400-й в резерве и 410-й, которому будут менять пушку.

Дома уже 20.05. Чем занимаетесь?

На связь выходил 007 "Енисея". В районе Шинданта разбита колонна. Много жертв.

Спать.

15.02.87г.

"Пуля влипла в торсион командирского люка. Сантиметра два выше или ниже, попала бы в живот. Хреновато. Шел дождь. Дома 20.57".

17.02.87г.

"Ночь. Трассера, а так все нормально".

18.02.87г. 19.50.

"Сегодня я отказался выполнять приказ командира батальона майора Майсак открыть огонь по огонькам в горах. Там мирные кишлаки, один из них святой - чьи-то мощи в мечети. Оттуда никогда не было ни единого выстрела. Конечно, духи там есть, но ведь и у них есть что-то святое. На востоке есть хорошая поговорка: "никогда не загоняй змею в угол". Ему балбесу хорошо отдавать приказы, зная что через месяц - другой он будет свою жопу греть в академии, ведая своим сокурсникам о героическом прошлом, а моим пацанам получать пули от тех, кто до сих пор не брал в руки оружия. Скотина! Ни ему, а нам патрулировать трубопровод по ночам, не он, а мы стоим на дороге. Бойцы возмущены.

Обстреливать караваны с оружием - это одно, но ведь там могут быть пастухи, охотники, которым семью кормить нечем, отшельники, коих здесь множество. Приказ комдива - выстрелом на выстрел.

- Нам с вами, товарищ Погодаев вместе не работать.

- Уж это точно, майор.

- Вас уберут.

Я расхохотался, развернулся и ушел на заставу. Дежурному сержанту дал команду - без моей команды никого не впускать и не выпускать. Никого!

С пятнадцатого объявили политику национального примирения, вот и будем эту политику проводить в жизнь. Его-то БТР два танка сопровождают всегда. Трус. Сам ни на одном обстреле не был. Что дальше-то, майор? Как детям в глаза смотреть будешь?".

19.02.87г.

Командиру роты

Рапорт.

Прошу Вашего ходатайства перед вышестоящим командованием о переводе меня в другое подразделение, так как я, в силу своей принадлежности к КПСС, выполняя интернациональный долг в дружественном государстве не могу расстреливать мирных жителей этой страны.

16 февраля сего года командиром батальона майором Майсак был отдан приказ о пресечении движения афганского населения по тропе, проходящей за территорией заставы. На предупредительные выстрелы они не реагируют, так как здесь находятся их виноградники и кишлаки, в которых стоят посты самообороны, ХАДа и царандоя. По тропе, кроме стариков и детей никто не ходит.

18 февраля в 19.30. командир батальона отдал мне приказ стрелять по мирным кишлакам западнее заставы 2-3 км. С этой стороны по заставе не было сделано ни одного выстрела и реальной угрозы не существовало.

Мне доводили приказ командира дивизии отвечать выстрелом на выстрел, так же приказ о соблюдении перемирия с 15 января.

Неоднократно принимая участие в боевых действиях против мятежников, я отмечался командованием в лучшую сторону, но расстреливать мирных жителей ДРА - таких приказов я выполнять не могу.

Являясь руководителем группы политических занятий, я неоднократно указывал своим подчиненным об отличии нашей армии от армий капиталистических государств. В самой сути и организации Вооруженных Сил отражается гуманистическая сущность социалистического общественного и государственного строя. Для каждого воина наша армия - это школа воспитания высоких морально-политических качеств, патриотизма и интернационализма. После того как солдаты услышали выстрелы из пушки в сторону мирных кишлаков, рядовой Климов Н.В., рядовой Рычков В.Е., рядовой Антонь И.В. спросили меня, зачем мы ведем огонь туда, откуда по нам не было произведено ни единого выстрела. Я им ничего не смог ответить.

В связи со всем вышеизложенным, прошу Вашего ходатайства о переводе меня в другое подразделение или в другую часть.

Старший лейтенант Погодаев.

19 февраля 1987г.

22.02.87г.

Сегодня ко мне приезжал капитан "Юра". Начальник особого отдела полка. Не помню его полное имя, да он и представлялся всегда - просто Юра. Поговорили.

- Комбат на тебя жалуется, Серега. Говорит - ты ему угрожаешь?

- Врет. Хотя могу его очень даже просто завалить. Рассказать как? Слушай. Сам знаешь, выходы на афганцев у меня есть. Попрошу принести бур на время, спрячу его в винограднике около туалета. Как только этот урод от меня засобирается уезжать, я сделаю всё, чтобы все люди находились внутри заставы. Сам пойду в туалет, и как только Майсак полезет на танк, я продырявлю ему башку. После этого спрячу бур, объявлю на заставе тревогу. Передам по связи обстрел заставы, комбат трехсотый. И всё.

- Ты чего такое говоришь?

- Пойми, если я тебе об этом рассказал, этого уже не произойдет. Только у меня к тебе просьба, Юра. Сделай так, чтобы этот клоун сюда больше не приезжал. Боюсь - не сдержусь, а сидеть из-за этого убудка желания нет.

- Перестань. Как у тебя с оружием, боеприпасами.

- Появилась проблема, сообщил. Пока, птфу, птфу, птфу.

- А насчет трофейного как?

- Да никак, сам знаешь.

- Ну лады, мне пора.

- Давай. Про просьбу мою не забудь.

- Попробуем.

Вот такой разговор у нас вышел.

Вечером начальник штаба по связи сообщил, что, якобы, Указом Президиума Верховного Совета от 31.10.86г. меня наградили орденом "Красной Звезды", и что я поеду в Союз в командировку. Что-то во все это с трудом верится.

21.02.87г.

"Баграм. Засада".

22.02.87г.

"Вторую ночь сидим с разведвзводом в засаде. Вчера у соседей в Джабалях били колонну. На мосту сожгли танк и БМП, есть убитые и раненые. Есть информация, что планируют сжечь и наши танки. Что ж, они всегда этого хотят. "Поглядим, что за Сухов".

Сидим в засаде. Ждем. Моему рапорту комбат ходу не дал. Бойтся.

Вчера по его приказу Летнев обстрелял несколько кишлаков западнее саперного полка. Утром у заставы толпа женщин с детьми, старики. Вышли на дорогу к заставе, вынесли на носилках трупы убитых людей, стали требовать командира. Говорят, приехал шакал, да так же и смылся, а мы отвечать будем за его убийства.

После засады помылись в бане, постирались. Что дальше-то?".

25.02.87г.

"Откомандирован военной прокуратурой в Новосибирск".